

ТЫСЯЧА
ПОЦЕЛУЕВ,

*которые
невозможно
забыть*

Тилли Коул

Young Adult. Бестселлеры

Тилли Коул

**Тысяча поцелуев, которые
невозможно забыть**

«ЭКСМО»

2016

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Coe)

Коул Т.

Тысяча поцелуев, которые невозможно забыть / Т. Коул —
«Эксмо», 2016 — (Young Adult. Бестселлеры)

ISBN 978-5-699-91893-5

Тысяча поцелуев – это много или мало, когда каждый может оказаться последним... Поппи и Руне поклялись, что будут вместе навсегда, но Руне вынужден уехать с семьей в Норвегию... Поппи обещает преданно его ждать. Спустя два года он возвращается. И никак не может понять, почему Поппи больше не хочет его видеть. Эта мысль разъедает изнутри. Однако, узнав правду, он чувствует, что самое тяжелое испытание впереди.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-699-91893-5

© Коул Т., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Посвящение	6
Пролог	7
1	10
2	19
3	29
4	42
5	43
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тилли Коул
Тысяча поцелуев, которые
невозможно забыть

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Посвящение

Верующим в истинную, эпическую, всепоглощающую любовь.
Это – для вас.

Пролог

Руне

Моя жизнь определили четыре эпизода.
Этот – первый.

* * *

*Блоссом-Гроув, Джорджия
Соединенные Штаты Америки
Двенадцать лет назад
Возраст – пять лет*

– Jeg vil dra! Ne! Jeg vil reise hjem igjen! – крикнул я во весь голос, чтобы мама поняла – я хочу уехать! Прямо сейчас! Хочу вернуться домой!

– Мы не вернемся домой, Руне. И мы никуда не уедем. Теперь наш дом здесь, – ответила мама по-английски и, присев, посмотрела мне в глаза. – Знаю, ты не хотел уезжать из Осло, но твой папа получил новую работу здесь, в Джорджии, – добавила она мягко и погладила меня по руке. Вот только мне лучше от этого не стало. Я не хотел жить здесь, в Америке. Я хотел вернуться домой.

– Slutt e snakke engelsk! – огрызнулся я, потому что терпеть не мог говорить по-английски. С тех пор как мы уехали из Норвегии в Америку, мама и папа обращались ко мне только на английском. Мол, мне надо приучаться.

А я не хотел!

Мама выпрямилась и подняла с пола коробку.

– Мы теперь в Америке, Руне. Здесь говорят на английском. И ты говоришь на английском столько же, сколько и на норвежском. Пришло время воспользоваться им.

Я сердито посмотрел на нее, но с места не сдвинулся. Она обошла меня и направилась к дому. Я огляделся. Улица, на которой мы теперь жили, была маленькая. Всего восемь домов. Все дома большие, но выглядели по-разному. Наш был красный, с белыми окнами и огромной верандой. Моя комната, тоже большая, находилась на первом этаже. Вообще-то, она мне нравилась. Классная комната. Раньше, в Осло, я никогда не спал внизу – только наверху.

Я присмотрелся к домам. Все были окрашены в разные яркие цвета: голубой, желтый, розовый... Я задержал взгляд на соседнем. Так близко... Нас разделяла только полоска травы. Оба дома большие, с большими дворами, и между ними ни стены, ни забора. Мне ничего бы не стоило, при желании, забежать в их двор.

Этот, соседний, дом был весь белый, и веранда как будто опоясывала его целиком. Во дворе, впереди, стояли кресла-качалки и качели. Оконные рамы были черные, и одно окно находилось напротив моего. Ровно напротив! Мне это не понравилось. Не понравилось, что из моей спальни можно смотреть в чужую, а они могут заглядывать в мою.

На земле валялся камешек. Я поддал его ногой, и он выкатился на улицу. Я уже повернулся, чтобы пойти за мамой в дом, но услышал шум. Какие-то звуки, доносившиеся из соседнего дома. Я посмотрел на их переднюю дверь – оттуда никто не выходил – и стал подниматься по ступенькам, но краем глаза заметил движение. Что-то происходило в окне первого этажа. Там самом, что смотрело в окно моей комнаты.

Рука замерла на перилах – в окне появилась девочка в ярком голубом платье. Забравшись на подоконник, она прыгнула на траву и вытерла ладони о платье. Я знал, что девочка вот-вот поднимет голову, и заранее насупился. Волосы у нее были каштановые и собраны на голове так, что напоминали птичье гнездо. Сбоку висел большой белый бант.

Она подняла голову и посмотрела прямо на меня. А потом улыбнулась. Во весь рот. Помахала, подбежала и, остановившись передо мной, протянула руку.

– Привет, меня зовут Поппи Личфилд. Мне пять лет, и я живу по соседству.

Я уставился на нее с любопытством. Говорила она немножко странно, и ее английские слова звучали не так, как мы учили их дома, в Норвегии. На лице у девочки красовалось грязное пятно, на ногах – ярко-желтые резиновые сапожки с большими красными шарами сбоку.

Вид у нее был чудной.

Я перевел взгляд с ног на руку. Поппи ее так и не опустила. Что делать? Чего она ждет? Что ей нужно?

Девочка вздохнула. Тряхнула головой. А потом взяла мою руку и всунула в свою. Пожала, потрясла два раза.

– Это – рукопожатие. Моя бабуля говорит, что когда встречаешь новых людей, надо пожимать руку, здороваться. – Она показала на наши руки. – Мы поздоровались. Так делают вежливые люди, когда хотят познакомиться.

Я не ответил. Не знаю почему, но голос как будто потерялся. А потом посмотрел вниз и понял – это потому, что мы еще не разжали руки.

Как и лицо, пальцы у нее были в грязи. Она вообще вся перепачкалась.

– А как тебя зовут? – спросила Поппи, склонив голову набок. В волосах у нее застрял прутик. – Эй! – Она потянула меня за руку. – Я спросила, как тебя зовут.

Я откашлялся:

– Меня зовут Руне. Руне Эрик Кристиансен.

Поппи наморщила нос и втянула большие розовые губы. Получилось забавно.

– Ты чудно говоришь, – выпалила она.

– Nei det gjør jeg ikke! – буркнул я и выдернул руку. Она наморщилась еще больше.

Я повернулся и пошел к дому. Разговаривать с ней мне уже не хотелось.

– Что ты сказал? – спросила Поппи.

– Ничего, – сердито бросил я через плечо и уже на английском добавил: – Это по-норвежски!

Ее большие зеленые глаза сделались еще больше. Поппи подошла ближе, потом еще ближе.

– По-норвежски? Как викинги? – пропущала она. – Бабуля читала мне книжку про викингов. Там говорилось, что они из Норвегии. Руне, а ты – викинг? – Глаза у нее полезли на лоб.

Я с гордостью выпятил грудь. Папа всегда называл меня викингом и говорил, что в нашей семье все мужчины – викинги. Крепкие, смелые и сильные.

– Ja. Мы – настоящие викинги, из Норвегии.

По ее лицу расплылась широкая улыбка. Поппи громко, по-девчоночьи, хихикнула, подняла руку и потянула меня за волосы.

– Вот почему у тебя такие длинные светлые волосы и голубые, чистые, как хрусталь, глаза. Потому что ты – викинг. А мне сначала показалось, что ты выглядишь как девочка...

– Никакая я не девочка! – возразил я, но Поппи, похоже, не обратила внимания. Я провел по волосам ладонью. Они были у меня до плеч, как носили все мальчишки в Осло.

– ...но теперь-то я понимаю, это потому, что ты – настоящий викинг. Как Тор. У него тоже были длинные светлые волосы и голубые глаза! Ты точь-в-точь Тор!

– Ja, – согласился я. – Тор такой. А еще он самый сильный из всех богов.

Поппи кивнула и вдруг положила руки мне на плечи. Лицо у нее сделалось серьезным.

– Руне, – прошептала она. – Я никому не говорю, но тебе скажу – я отправляюсь за приключениями.

Какие приключения? Непонятно. Поппи сделала еще шаг вперед и посмотрела мне в глаза. Сжала мои руки. Наклонила голову чутьочку набок. Потом огляделась и, наклонившись, быстро заговорила:

– Вообще-то, я никого с собой за приключениями не беру, но ты викинг, и всем известно, что они хорошие путешественники и искатели, что они ходят в походы, захватывают в плен разных злодеев... и все такое!

Я немного растерялся, но тут Поппи отступила на шаг и снова протянула руку.

– Руне, – произнесла она серьезно и твердо. – Ты живешь по соседству, ты – викинг, а я люблю викингов. Думаю, мы должны быть лучшими друзьями.

– Лучшими друзьями?

Поппи кивнула и протянула руку еще ближе ко мне. Я нерешительно поднял свою, взял ее ладошку, пожал и дважды тряхнул, как она показывала.

Рукопожатие.

– Так что, мы теперь лучшие друзья?

Поппи убрала свою руку.

– Да! Поппи и Руне! – воскликнула она и, поднеся палец к подбородку, посмотрела вверх и втянула губы, как будто о чем-то задумалась. – Звучит хорошо, как ты думаешь? Поппи и Руне, лучшие друзья навеки!

Я кивнул – звучало и вправду хорошо. Поппи снова сунула свою ладошку в мою.

– Покажи свою комнату! Хочу потом рассказать про наше приключение. – Она потащила меня за собой, и мы вместе вбежали в дом.

В спальне, едва только протиснувшись в дверь, Поппи устремилась к окну.

– Твоя комната ровно напротив моей!

Я снова кивнул, и она восторженно запищала, подбежала ко мне и снова схватила за руку.

– Руне! Мы сможем разговаривать по ночам и сделаем уоки-токи из банок и шнура. Мы будем делиться секретами, когда все уснут, сможем строить планы, играть и...

Она болтала и болтала, и я был даже не против. Мне нравился ее голос, нравилось ее слушать. Мне нравился ее смех и большой белый бант у нее в волосах.

Может быть, Джорджия не такое уж и плохое место, подумал я, если у меня будет такой лучший друг, как Поппи Личфилд.

* * *

Так с того дня и повелось – мы с Поппи, Поппи и я.

Поппи и Руне.

Лучшие друзья навеки.

По крайней мере, так я думал.

Забавно, как все меняется.

1

Разбитые сердца и банка с мальчишечьими поцелуями

Поппи

Девять лет назад

Возраст – восемь лет

– Куда мы едем? – спросила я, когда папа мягко взял меня за руку и повел к машине. Почему меня так рано забирают с уроков? Сейчас ведь еще только перерыв на ланч. Уходить до окончания занятий нам не разрешалось.

Папа не ответил и только крепче сжал мою руку. Я оглянулась и пробежала взглядом по забору. Какое-то странное чувство стянуло живот. Мне нравилось в школе, нравилось учиться. Следующим уроком у нас была история, мой любимый предмет, и я, конечно, не хотела его пропускать.

– Поппи! – Стоявший у забора мой лучший друг, Руне, провожал меня взглядом. Я заметила, как сильно он сжал пальцами металлические прутья. – Куда ты? – В классе мы сидели рядом. Мы всегда были вместе, и когда кто-то один отсутствовал, другому становилось уже не так весело на занятиях.

Я посмотрела на папу, ожидая ответа от него, но он не глядел на меня. Молчал и ничего не говорил. Я снова повернулась к Руне и крикнула:

– Не знаю!

Руне смотрел мне вслед, пока я забиралась в машину. Когда я села на бустер, папа накинул ремень безопасности.

Со школьного двора донесся звонок – перерыв на ланч закончился. Я посмотрела в окно – все дети торопились вернуться в классы, но не Руне. Руне оставался у ограды, и ветер трепал его длинные светлые волосы. «Ты в порядке?» – спросил он одними губами, но тут папа сел в машину и тронулся с места, прежде чем я успела ответить.

Руне побежал вдоль забора, стараясь не отстать от машины, пока миссис Дэвис не окликнула его и заставила пойти на урок.

Школа уже скрылась из вида, когда папа наконец обратился ко мне:

– Поппи?

– Да?

– Ты ведь знаешь, что бабуля уже живет с нами какое-то время?

Я кивнула. Не так давно бабуля перебралась в комнату напротив моей. Моя мама сказала, что ей нужна помощь. Мой дедушка умер, когда я была совсем маленькая. Бабуля несколько лет жила одна, а потом переехала к нам.

– Помнишь, что мы с твоей мамой говорили тогда? Насчет того, почему бабушка больше не может жить одна?

Я вдохнула через нос и прошептала:

– Да. Потому что ей нужна наша помощь. Потому что она больна. – Внутри у меня все сжалось. Бабуля была моим лучшим другом. Она и Руне были самыми-самыми. Бабуля говорила, что я пошла в нее.

До того как она заболела, у нас с ней было много приключений. Каждый вечер бабуля читала мне о знаменитых исследователях и путешественниках. Рассказывала о великих людях и событиях – больше всего мне нравилось слушать об Александре Великом, римлянах и моих самых любимых, японских самураях. У бабули они тоже были самыми любимыми.

Я знала, что бабуля болеет, но она никогда не вела себя как больная. Всегда улыбалась, всегда обнимала меня и смешила. Говорила, у нее в сердце лунный свет, а в улыбке – солнечные лучики. Говорила, это потому, что она счастлива.

С ней и я была счастлива.

Но в последние недели бабуля много спала и почти ничего больше не делала, потому что очень уставала. По вечерам я часто ей читала, а она слушала, гладила меня по волосам и улыбалась. И все было хорошо, потому что бабулины улыбки – самые лучшие улыбки на свете.

– Да, тыквочка, больна. И даже очень, очень больна. Ты понимаешь?

Я нахмурилась, но кивнула и сказала:

– Да.

– Вот потому мы и едем домой пораньше, – объяснил он. – Бабушка ждет тебя. Хочет тебя увидеть. Увидеть свою маленькую подружку.

Я все равно не поняла, почему папа везет меня домой так рано, чтобы повидаться с бабулей, если после уроков я каждый раз первым делом захожу к ней в комнату, и мы разговариваем. Она любит слушать, как прошел мой день в школе.

Мы свернули на нашу улицу и остановились на нашей подъездной дорожке. Папа немного посидел молча, потом повернулся ко мне.

– Знаю, тебе только восемь, тыквочка, но сегодня ты должна быть большой, смелой девочкой. Договорились?

Я снова кивнула. Папа грустно улыбнулся:

– Вот и молодец.

Он вышел из машины, открыл дверцу с моей стороны, помог выйти мне, и мы вместе направились к дому. Машин у дома стояло намного больше, чем обычно. Я уже хотела спросить, чьи они, когда через двор между нашим и соседним домом прошла миссис Кристиансен, мама Руне, с большим подносом, на котором лежала какая-то еда.

– Джеймс! – позвала она, и папа повернулся поздороваться с ней.

– Привет, Аделис. – Мама Руне остановилась перед нами. С длинными, такими же светлыми, как у него, распущенными волосами, она была настоящая красавица. А еще она была добрая и меня называла доченькой. Я ее любила.

– Это я вам приготовила. Пожалуйста, передай Айви, что мы думаем о вас всех.

Папа выпустил мою руку и взял блюдо.

Миссис Кристиансен наклонилась и поцеловала меня в щеку.

– Будь хорошей девочкой, Поппи, ладно?

– Да, мэм, – сказала я.

Миссис Кристиансен повернулась и пошла через лужайку к своему дому.

Папа вздохнул, потом кивнул, и мы направились к передней двери. Едва войдя, я увидела моих тетей и дядей, сидевших на диванах в гостиной, и моих кузенов и кузин, игравших на полу со своими игрушками. Мои сестрички, Саванна и Айда – обе младше меня, одной четыре, другой только два, – сидели с тетей Сильвией. Они помахали мне, но остались у тети Сильвии на коленях.

Никто ничего не говорил, но многие вытирали глаза, а другие плакали.

Я ничего не понимала и потому прижалась к папиной ноге. Кто-то появился у двери в кухню. Я посмотрела – это была еще одна моя тетя, Делла, или Диди. Молодая и веселая, она всегда придумывала что-то забавное. Моя любимая тетя. Мама была старшей сестрой, но они походили друг на дружку – у обеих длинные каштановые волосы и зеленые глаза. Как и у меня. Но все равно Диди была красивее. Хотела бы я когда-нибудь стать такой же.

– Привет, Попс. – Я заметила, что у нее красные глаза и голос звучит как-то странно. Диди посмотрела на моего папу. Потом забрала у него поднос. – Пора и вам, Джеймс, тебе и Поппи. Идите.

Мы пошли, но я оглянулась и уже открыла рот, чтобы позвать Диди, но она вдруг повернулась, поставила блюдо с едой на стол, закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Диди? – прошептала я, чувствуя, как внутри что-то стянулось. Папа положил руку мне на плечо и повел из комнаты.

– Все хорошо, тыквочка. Диди просто нужно немножко побыть одной.

Мы подошли к бабулиной комнате, но прежде чем открыть дверь, папа остановился и сказал:

– Здесь мама и Бетти, бабушкина медсестра.

Я недоуменно нахмурилась:

– А почему здесь медсестра?

Папа толкнул дверь в бабулину комнату, и моя мама тут же поднялась со стула у кровати. Глаза у нее покраснели, а волосы растрепались. Волосы у мамы всегда были в порядке.

Медсестра стояла в глубине комнаты и что-то писала на планшете. Когда я вошла, она улыбнулась и помахала мне. Я повернулась к кровати. Бабуля лежала. Из руки у нее торчала игла с прозрачной трубкой, которая вела к пакетику, висевшему на металлической стойке у кровати. У меня дрогнуло сердце.

Я вдруг испугалась и замерла на месте. Мама шагнула ко мне, и бабуля подняла голову. Она так изменилась с прошлого вечера. Лицо бледное, и глаза уже не такие ясные.

– Где моя маленькая подружка? – Голос был тихий и звучал как-то странно, но от ее улыбки мне сразу стало теплее.

Я тихонько хихикнула и подбежала к кровати.

– Здесь! Я сегодня пришла из школы пораньше!

Бабуля подняла руку и постучала мне пальцем по кончику носа.

– Вот и молодец!

Я улыбнулась.

– Мне просто захотелось повидаться с тобой. Я всегда чувствую себя лучше, когда мое солнышко рядом и когда мы можем немножко поболтать.

Я снова улыбнулась, потому что это я – «ее солнышко», «свет ее очей». Она всегда так меня называла. Говорила, по секрету, что я – ее любимица. И еще говорила, что это наш секрет и что мне нужно держать его при себе, чтобы не расстраивать сестренку.

Папа вдруг поднял меня и посадил на кровать. Бабуля взяла мою руку и сжала пальцы, но я только заметила, что они холодные. Дышала она глубоко, но в груди у нее как будто что-то похрустывало.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила я и, наклонившись, поцеловала ее в щеку. Обычно от нее пахло табаком, потому что она курила сигареты. Но сегодня никакого запаха дыма не было.

Бабуля улыбнулась.

– Я устала, милая. И я... – Она вздохнула и на секунду зажмурилась. Потом снова открыла глаза, поворочалась. – ...Ненадолго уеду.

Я нахмурилась.

– Куда ты уедешь? Можно мне с тобой? – Мы *всегда* отправлялись за приключениями вместе.

Бабуля слабо улыбнулась и покачала головой:

– Нет, милая. Туда, куда я еду, тебе нельзя. Пока нельзя. Но когда-нибудь, через много-много лет, ты снова меня увидишь.

Рядом всхлипнула мама, но я только растерянно смотрела на бабулю:

– Но куда ты уезжаешь? Не понимаю.

– *Домой*, милая. Я уезжаю *домой*.

– Но ты же дома, – возразила я.

– Нет. – Бабуля покачала головой. – Это не настоящий наш дом. Жизнь, милая, это только большое приключение. Приключение, чтобы радоваться и любить всем сердцем, прежде чем отправиться в другое, самое большое приключение из всех.

Я посмотрела на нее с восторгом и изумлением, но и с печалью. Глубокой, настоящей печалью. У меня задрожала нижняя губа.

– Но мы же лучшие подружки. Мы всегда отправляемся за приключениями вместе. Ты не можешь уйти без меня.

Слезы брызнули из глаз и поползли по щекам. Бабуля подняла свободную руку и коснулась моего лица. Эта рука была такая же холодная, как и другая.

– Да, милая, мы всегда отправляемся за приключениями вместе, но не на этот раз.

– Ты не боишься уезжать одна? – спросила я.

Бабуля вздохнула:

– Нет, милая, страха нет. Я совсем не боюсь.

– Но я не хочу, чтобы ты уезжала. – У меня запершило в горле.

Бабуля не стала убирать руку.

– Ты будешь видеть меня во сне. Мы не прощаемся.

Я моргнула. Раз и еще раз.

– Как ты видишь дедушку? Ты же всегда говоришь, что он приходит к тебе во сне. Разговаривает с тобой, целует руку.

– Да, точно так же. – Я вытерла слезы. Бабуля сжала мою руку и посмотрела на стоявшую позади меня маму. – И у меня есть для тебя еще одно приключение.

Я замерла:

– Правда?

За спиной звякнуло о стол стекло. Я хотела обернуться и посмотреть, но тут бабуля спросила:

– Поппи, какое у меня было самое любимое в жизни воспоминание? Я всегда тебе о нем говорила. Что-то, что всегда вызывало у меня улыбку.

– Дедушкины поцелуи. Его сладкие мальчишечьи поцелуи. Воспоминания обо всех его поцелуях. Ты говорила, что это самые любимые твои воспоминания. Не деньги, не вещи, но его поцелуи, потому что они были особенные, и ты чувствовала себя любимой и улыбалась, потому что он был твоей половинкой. Он был твоим навеки.

– Верно, милая. И вот для твоего приключения... – Она снова посмотрела на маму.

Я обернулась и увидела, что мама держит в руках большую стеклянную банку, заполненную до верха розовыми бумажными сердечками.

– Вау! – воскликнула я восторженно. – А что это?

Мама положила ладони мне на плечи, и бабуля постучала пальцем по крышке. – Это – тысяча мальчишечьих поцелуев. Или, по крайней мере, будет, когда ты все их заполнишь.

Вот это да! Я попыталась сосчитать сердечки, но не смогла. Тысяча – это так много!

– Поппи... – Я повернулась к ней и увидела, что ее зеленые глаза сияют. – *Это* твое приключение. И я хочу, чтобы ты помнила меня, когда я уйду.

Я снова посмотрела на банку:

– Не понимаю...

Бабуля протянула руку к прикроватной тумбочке, взяла ручку и подала мне.

– Я уже давно больна, милая, но мне всегда становится легче, когда я вспоминаю о поцелуях твоего дедушки. Не тех, обычных, но особенных, когда сердце едва не разрывалось в груди. Тех, которые я не забыла. Под дождем. На рассвете. Тех, когда... когда он обнимал меня крепко-крепко и шептал на ушко, что я самая-самая красивая девушка в комнате.

Я слушала и слушала, и мое сердце переполнялось чувствами. Бабуля показала на сердечки в банке.

– Эта банка для тебя, Поппи. Чтобы ты вела счет твоих мальчишечьих поцелуев. Всех поцелуев, от которых твое сердечко будет готово разорваться, самых особенных, тех, которые ты захочешь вспоминать, когда станешь старенькой и седой, как я. Тех, которые ты будешь вспоминать с улыбкой.

Она постучала по банке:

– Однажды ты встретишь мальчика, который станет твоим навеки, и каждый раз, получая от него особенный поцелуй, доставай одно сердечко. Записывай, где и когда тебя поцеловали. Потом, когда ты тоже станешь бабулей, как я, твоя внучка – твоя лучшая подружка – сможет узнать о них все-все, потому что ты расскажешь ей о них, как я рассказывала тебе о своих. У тебя будет банка-сокровищница со всеми драгоценными поцелуями, от которых твое сердце улетало к небесам.

Я посмотрела на банку и выдохнула:

– Тысяча – это так много. Это столько поцелуев!

Бабуля рассмеялась:

– Не так уж и много, милая. Меньше, чем тебе кажется. Особенно когда ты найдешь родную тебе душу, твою половинку. У тебя впереди много-много лет.

Она втянула воздух и скривилась, как будто от боли. А мне вдруг стало очень страшно.

– Бабуль... – тихонько позвала я. Она сжала мою руку, открыла глаза, и по бледной щеке скатилась слезинка. – Бабуль? – прошептала я.

– Мне тяжело, милая. Устала. Скоро пора уходить. Просто хотела повидать тебя в последний раз, дать эту банку. Поцеловать, чтобы вспоминать тебя каждый день на небесах, пока мы не увидимся снова. – У меня снова задрожала нижняя губа. Бабуля покачала головой.

– Не плачь, милая. Не надо слез. Это не конец. Всего лишь пауза в жизни. И я буду смотреть за тобой. Каждый день. Буду в твоём сердце. Буду в той вишневой роще, которую мы так с тобой любим, в солнце и ветре.

Глаза ее дрогнули, и мама снова положила руки мне на плечи:

– Поппи, поцелуй бабулю. Она устала. Ей нужно отдохнуть.

Затаив дыхание, я наклонилась, поцеловала бабулю в щеку и прошептала:

– Люблю тебя.

Она погладила меня по голове:

– Я тоже люблю тебя, милая. Ты – свет моей жизни. Никогда не забывай, что я любила тебя так сильно, как только бабушка может любить внучку.

Я держала ее за руку и не хотела отпускать, но папа поднял меня с кровати, и мои пальцы все-таки выскользнули из ее ладони. Я крепко прижала к себе банку, и слезинки упали на пол. Папа опустил меня, и я повернулась к двери.

– Поппи? – позвала бабуля.

Я оглянулась – она улыбнулась:

– Помни, *луна в сердцах – в улыбках солнце...*

– Всегда буду помнить, – сказала я, но легче не стало. Меня переполняла печаль. За спиной плакала мама. Проходившая по коридору Диди положила руку мне на плечо. Лицо у нее тоже было печальное.

Мне не хотелось оставаться здесь. Я не хотела больше жить в этом доме и, посмотрев на папу, сказала:

– Можно мне в вишневый сад?

Папа вздохнул:

– Да, малышка. Я потом приду за тобой. Только, пожалуйста, будь осторожна.

Он взял телефон и стал кому-то звонить и просить приглядеть за мной в роще, но я не успела понять кому, потому что уже бежала к двери. Я выскочила из дома, прижимая к

грудь банку с тысячами мальчишечьих поцелуев. Сначала на веранду, потом на улицу. Я бежала, бежала и ни разу не остановилась.

По лицу текли слезы. Кто-то окликнул меня по имени.

– Поппи! Поппи, подожди!

Я оглянулась и увидела Руне. Он стоял на веранде, а потом побежал ко мне по траве. Но я все равно не остановилась. Даже ради Руне. Мне нужно было в вишневую рощу. Любимое бабулино место. Мне было так грустно оттого, что она уходит. Уходит на небеса.

Туда, где ее настоящий дом.

– Поппи, подожди! Не спеши! – крикнул Руне, когда я свернула за угол, к роще в парке. Сразу за входом стояли большие цветущие деревья, и из них получалось что-то вроде туннеля. Под ногами у меня зеленела трава, над головой голубело небо. Деревья утопали в цветах, розовых и белых. В конце рощи выросло самое большое дерево. Ветви его свисали чуть ли не до земли, ствол был самый толстый во всей роще.

Это было самое любимое наше с Руне место.

И бабулино тоже.

Я запыхалась и, когда добралась до любимого бабулиного дерева, опустилась на землю, прижимая к груди банку. По щекам бежали слезы. Руне подошел и остановился рядом, но я даже не посмотрела на него.

– *Поппимин?* – Руне так меня называл. На норвежском это значило «моя Поппи». Мне нравилось, когда он разговаривал со мной на своем родном языке.

Но я ничего не могла с собой поделать. Я не хотела, чтобы бабуля уходила, хотя и знала, что так надо. И еще знала, что когда вернусь домой, бабули там уже не будет – ни сегодня, ни завтра... никогда.

– *Поппимин*, не плачь, – прошептал Руне, садясь рядом и обнимая меня. Я прижалась к его груди и расплакалась. Мне было хорошо в его объятиях – он всегда так крепко меня обнимал.

– Моя бабуля... она больна и... уходит.

– Знаю. Мне мама сказала.

Когда слез уже не осталось, я отстранилась и вытерла щеки. Потом взглянула на Руне – он смотрел на меня – и попыталась улыбнуться. Он взял мою руку и прижал к своей груди. Его футболка нагрелась от солнца.

– Мне жаль, что ты печалишься. Не хочу, чтобы ты грустила. Никогда-никогда. Ты – *Поппимин*. Ты всегда улыбаешься. Ты всегда счастливая.

Я шмыгнула носом и опустила голову ему на плечо.

– Знаю. Но бабуля – мой лучший друг, а ее у меня больше не будет.

Руне помолчал, а потом сказал:

– Я тоже твой лучший друг. И я никуда не уйду. Обещаю. На веки вечные.

Боль, что сидела у меня в груди, вдруг ослабла. Я кивнула:

– Поппи и Руне – вместе навсегда.

– Вместе навсегда, – повторил он.

Какое-то время мы сидели молча, потом Руне спросил:

– А для чего эта банка? Что там внутри?

Я убрала руку, взяла банку и подняла повыше.

– Новое приключение от моей бабули. Путешествие на всю жизнь.

Брови у Руне поползли вниз, а длинные светлые волосы упали на глаза. Я откинула их назад, и он улыбнулся. В школе все девочки хотели, чтобы он улыбался им так, – они сами мне говорили. А я говорила им, что никто из них ни одной улыбки не получит. Руне – мой лучший друг, и делить его с ними я не собираюсь.

Руне показал на банку:

– Не понимаю.

– Помнишь, какие у бабули были самые любимые воспоминания? Я тебе рассказывала.

Руне задумался, даже лоб наморщил, а потом сказал:

– Поцелуй твоего дедушки?

Я кивнула и сорвала со свисающей низко ветки бледно-розовый вишневый лепесток. Вишневые лепестки бабуля любила больше всего. Любила потому, что они не живут долго. Она говорила, что самое лучшее, самое красивое никогда не задерживается надолго. Говорила, что цветок вишни слишком прекрасен, чтобы продержаться целый год. Что он потому и особенный, что его век недолог. Как самурай – изысканная красота и быстрая смерть. Я не совсем понимала, что это значит, но бабуля говорила, что пойму, когда стану старше.

Наверно, она была права. Бабуля не была старой и уходила молодой – так, по крайней мере, говорил папа. Может быть, поэтому ей так нравился цветок вишни. Потому что она сама была такой же.

– *Поппимин?*

Я подняла голову.

– Так что? Дедушкины поцелуи были ее самым лучшим воспоминанием?

– Да, – ответила я и разжала пальцы. Лепесток упал на землю. – Все поцелуи, от которых ее сердце почти разрывалось. Бабуля говорила, что его поцелуи – это самое лучшее, что только есть на свете. Потому что вот так сильно он любил ее. Вот так сильно ею дорожил. И она нравилась ему потому, что была именно такой.

Руне сердито посмотрел на банку и фыркнул:

– Все равно не понимаю.

Он вытянул губы и скривился, а я рассмеялась. У него были красивые губы – полные, бантиком. Я открыла банку, достала розовое бумажное сердечко, на котором ничего не было написано, и показала Руне.

– Вот это – пустой поцелуй. – Я указала на банку. – Бабуля сказала мне собрать за всю жизнь тысячу поцелуев. – Я положила сердечко в банку и взяла Руне за руку. – Это новое приключение. Собрать, прежде чем я умру, тысячу поцелуев от моей половинки.

– Что... как... Поппи? Не понимаю! – В его голосе зазвучали злые нотки. Руне мог быть злым, когда хотел.

Я достала из кармана ручку:

– Когда мальчик, которого я люблю, поцелует меня так, что сердце почти что разорвется, я должна буду написать все подробности на одном из сердечек. И потом, когда я стану старенькой и седой и захочу рассказать обо всем своим внукам, я вспомню эти особенные поцелуи. И того, кто подарил их мне.

Меня как будто подбросило.

– Вот чего хотела от меня бабуля! – Охваченная волнением, я вскочила. – Значит, начать нужно уже скоро! Я должна сделать это ради нее.

Руне тоже вскочил. И в то же мгновение сорванные порывом ветра мимо нас пролетели, кружась, розовые лепестки. Я улыбнулась. А вот Руне не улыбался. Нет, он как будто взбесился.

– Так ты будешь целоваться с мальчиком ради своей банки? С кем-то особенным? С тем, кого любишь? – спрашивал он.

Я кивнула:

– Тысяча поцелуев! *Тысяча!*

Руне покачал головой и надул губы.

– НЕТ! – проревел он.

И мне стало не до улыбок.

– Что? – спросила я.

Он шагнул ко мне, упрямо качая головой.

– Нет! Не хочу, чтобы ты целовала кого-то ради этой своей банки! Нет и нет! Не бывать этому!

– Но...

Руне не дал мне ничего сказать и схватил за руку.

– Ты – *мой* лучший друг. – Он выпятил грудь и потянул меня к себе. – Не хочу, чтобы ты целовалась с мальчишками!

– Но так надо, – объяснила я, показывая на банку. – Это мое приключение. Тысяча поцелуев – это очень много. Очень-очень! И ты все равно будешь моим лучшим другом. Никто другой не будет столько значить для меня, как ты, глупенький.

Руне посмотрел на меня в упор. Потом перевел взгляд на банку. В груди снова появилась боль – было видно, что ему это не нравится. Он опять мрачнел, хмурился и злился.

Я шагнула к моему лучшему другу. Он смотрел прямо мне в глаза, не отрываясь.

– *Поптимин*... – произнес он своим жестким, сильным голосом. – *Поптимин*! Это значит *моя Поппи*. Вместе навсегда, на веки вечные. Ты – **МОЯ ПОППИ**!

Я открыла рот. Я хотела крикнуть, возразить, сказать, что мне нужно начать это приключение. Но тут Руне вдруг наклонился и прижал свои губы к моим губам.

И я замерла. Я чувствовала его губы на моих губах и не могла пошевелиться. Они были теплые. От него пахло корицей. Ветер бросил его длинные волосы мне на щеки, и у меня защебетало в носу.

Руне отстранился, но не отступил. Я попыталась дышать, но в груди вдруг стало легко, как будто ее наполнило пухом. И сердце застучало быстро-быстро. Так быстро, что я прижала руку, чтобы почувствовать, как оно трепещет под ладонью.

– Руне, – прошептала я и подняла руку, чтобы дотронуться до его губ. Он не сводил с меня глаз. Моргнул. Раз и еще раз. Мои пальцы коснулись его губ.

– Ты меня поцеловал, – ошеломленно прошептала я. Он сжал мою ладонь. Мы стояли, держась за руки.

– Я дам тебе тысячу поцелуев. Всю тысячу. Никто и никогда не будет целовать тебя, кроме меня.

Я вгляделась в его глаза. Сердце все стучало и стучало.

– Это целая вечность. Чтобы никто другой меня не целовал, мы должны быть вместе. Всегда, на веки вечные!

Руне кивнул, а потом улыбнулся. Улыбался он нечасто. Обычно только ухмылялся или скалился. И зря. Улыбка так его красила.

– Знаю. Потому что мы вместе навсегда. На веки вечные, помнишь?

Я медленно кивнула, а потом, глядя на него исподлобья, спросила:

– Так ты дашь мне все мои поцелуи? Столько, что их хватит, чтобы заполнить целую банку?

Руне снова улыбнулся:

– Все. Мы заполним всю банку и даже больше. Мы соберем намного больше тысячи.

Уф! Чуть не забыла! Я высвободила руку, достала ручку и сняла крышку. Потом вынула чистое бумажное сердечко, села и начала писать. Руне опустился рядом на колени и положил руку мне на локоть.

Я удивленно посмотрела на него. Он сглотнул, убрал за ухо прядь волос.

– Ты... когда... когда я поцеловал тебя... твое сердце... оно едва не разорвалось? Ты ведь сама сказала, что в банку надо складывать только самые-самые, особенные поцелуи. – Щеки его вспыхнули, словно от огня, и он смущенно потупился.

Ни секунды не задумываясь, я подалась вперед и обняла моего лучшего друга за шею. Я прижалась щекой к его груди и затаила дыхание, слушая его сердце.

Оно билось так же быстро, как мое.

– Да, так все и было. Особенней не бывает.

Я почувствовала, как он улыбается, и отстранилась. Села, поджав ноги, положила розовое сердечко на крышку и взяла ручку. Руне уселся рядом в такой же позе.

– Что напишешь? – спросил он. Я постучала ручкой по губе. Задумалась. Потом выпрямилась и, наклонившись вперед, написала:

Поцелуй 1

От Руне

В вишневой роще

Мое сердце едва не разорвалось

Закончив писать, я опустила сердечко в банку и крепко-накрепко закрутила крышку. Потом посмотрела на Руне, все это время наблюдавшего за мной, и с гордостью объявила:

– Ну вот. Мой самый первый мальчишечий поцелуй!

Руне кивнул, но его взгляд скользнул к моим губам.

– *Поппимин?*

– Да? – прошептала я. Он потянулся к моей руке и кончиком пальца начал вычерчивать узор на тыльной стороне ладони.

– Можно... можно мне поцеловать тебя еще раз?

Я сглотнула подступивший к горлу комок. В животе как будто взмахнули крыльями бабочки.

– Ты снова хочешь поцеловать меня... уже?

Руне кивнул:

– Мне уже давно хочется. Ну, ты же моя, и мне это нравится. И ты вкусная... как сахар.

– Ела печенье на ланч. С пеканом. Бабуля его больше всего любит, – объяснила я.

Руне глубоко вдохнул и наклонился ко мне. Его длинные волосы качнулись вперед.

– Хочу поцеловать тебя снова.

– Ладно.

И он поцеловал.

А потом еще, еще и еще.

К концу дня в банку легли еще четыре поцелуя.

Когда я вернулась, мама сказала, что бабуля ушла на небо. Я сразу побежала наверх, в свою спальню. Мне хотелось поскорее уснуть. Как и обещала, она пришла ко мне во сне, и я рассказала ей все про мои пять мальчишечьих поцелуев.

Бабуля улыбнулась и поцеловала меня в щеку.

Теперь я знала – это приключение будет самым лучшим в моей жизни.

2

Музыкальные ноты и пламя костра

Руне

Два года назад

Возраст – пятнадцать лет

В полной тишине она устроилась на сцене. Хотя нет, не в полной – кровь с грохотом проносилась во мне, громом отдаваясь в ушах. Моя Поппи осторожно села. В черном, без рукавов, платье, с длинными каштановыми волосами, собранными на затылке в узел, и с белым бантом на макушке, она была прекрасна.

Я поднял фотоаппарат, который всегда висел у меня на шее, и посмотрел в видоискатель – Поппи как раз поднесла смычок к струнам виолончели. Мне так нравилось ловить ее именно в этот миг. Миг, когда она закрывала большие зеленые глаза. Миг, когда перед началом исполнения на ее лице проступало самое идеальное, самое совершенное выражение. Выражение чистой страсти, полной устремленности к тем звукам, что должны были последовать.

Я щелкнул в самый подходящий, идеальный момент – и тут же со сцены полилась мелодия. Опустив фотоаппарат, я сосредоточился на ней. Никаких снимков во время исполнения – чтобы ничего не пропустить, чтобы отметить каждую деталь, каждый штрих.

Поппи начала раскачиваться в такт музыке, и мои губы дрогнули в улыбке. Ей нравилась эта вещь, и она исполняла ее, казалось, вечность. Никаких нот – «Гринсливз»¹ изливалась через смычок из самой ее души.

Я смотрел и не мог отвести глаз. Ее губы чуть заметно дергались, и мое сердце стучало, как барабан. На трудных пассажах на щеках у нее появлялись ямочки. Глаза оставались закрытыми, но каждый мог видеть, какие части нравятся ей больше всего. Голова склонялась то в одну, то в другую сторону, и улыбка, открытая и счастливая, растекалась по лицу.

Люди не понимали, что она и теперь, после всего-всего, оставалась моей. Нам было только лишь по пятнадцать, но с того дня, когда я поцеловал ее в цветущей роще, семь лет назад, ни у нее, ни у меня не было никого другого. Я просто не замечал других девушек и видел только Поппи. В моем мире существовала только она одна.

В нашем классе Поппи отличалась от всех остальных. Странная, необычная, не из тех, кого называют классными. Ее не трогало, что думают о ней люди, – так было всегда. Она играла на виолончели, потому что ей это нравилось. Читала книги. Училась увлеченно и с интересом. Вставала на утренней заре, чтобы только полюбоваться рассветом.

Вот почему она была для меня всем. На веки вечные. Потому что другой такой не найти. Потому что она была единственная во всем городе, полным похожих одна на другую, словно сделанных под копирку, красоток. Она не выставлялась, не задиралась, не гонялась за парнями. Поппи знала, что у нее есть я, а я знал, что у меня есть она.

Кроме нас самих, нам никто больше не был нужен.

Виолончель зазвучала мягче – номер подходил к концу. Я сел поудобнее, снова поднял камеру и щелкнул в последний раз – ровно в тот момент, когда Поппи подняла смычок и выпрямилась с довольным выражением на прелестном личике.

Публика разразилась аплодисментами, и я опустил фотоаппарат. Поппи отстранила инструмент, поднялась и, поклонившись, скользнула взглядом по залу. Наши глаза встретились, и она улыбнулась.

¹ «Greensleeves» («Зеленые рукава») – английская фольклорная песня, известная с XVI века.

Сердце мое колотилось так, словно хотело вырваться из груди.

Я глупо ухмыльнулся в ответ и откинул упавшие на лицо длинные волосы. Щеки Поппи зарделись румянцем. В следующую секунду она сошла со сцены, а в зале включили свет. Номер Поппи был последним. Ее всегда ставили в конце представления, потому что она считалась лучшей исполнительницей в нашей возрастной группе. На мой же взгляд, ей не было равных и в трех старших группах.

Однажды я спросил, как у нее получается играть настолько хорошо. Поппи ответила, что это дается ей так же легко, как дыхание, что мелодии изливаются из нее сами собой. Представить такого рода талант я просто не мог, но Поппи – самая удивительная девушка в мире – случай особенный.

Аплодисменты наконец смолкли, и люди двинулись к выходу. Кто-то тронул меня за плечо. Миссис Личфилд смахнула со щеки слезинку. Она всегда плакала, когда слушала Поппи.

– Руне, дорогой, нам нужно доставить домой этих вот двоих. Ты сможешь проводить Поппи?

– Да, мэм, – ответил я и тихонько рассмеялся, взглянув на девятилетнюю Айду и одиннадцатилетнюю Саванну, сестричек Поппи, мирно спавших на своих местах. В отличие от нее музыка их не особенно трогала.

Мистер Личфилд закатил глаза и помахал мне рукой, после чего повернулся и стал будить девочек, чтобы отвезти их домой. Миссис Личфилд чмокнула меня в лоб, и они, все четверо, ушли.

Проходя между рядами стульев, я услышал справа от себя шепот и негромкое хихиканье. Собравшиеся в уголке девчонки с любопытством смотрели в мою сторону. Я опустил голову и, не обращая на них внимания, прибавил шаг.

Случалось такое часто. Чем объяснить такое их внимание ко мне, я не понимал. Мы с Поппи были вместе столько же времени, сколько они меня знали. Никто другой мне был не нужен. И я бы хотел, чтобы они перестали пытаться оторвать меня от моей девушки, – в любом случае из этого ничего бы не получилось.

Я вышел из зала и направился к задней двери. В теплом влажном воздухе моя черная футболка моментально прилипла к спине. Черные джинсы и черные ботинки, наверно, плохо соответствовали весенней жаре, но такой стиль одежды я выбрал сам в качестве повседневного и оставался верен ему независимо от погоды.

Участники концерта уже выходили через задние двери. Я прислонился к стене и только успел сложить руки на груди, как на глаза упала прядка.

Исполнителей встречали на выходе родственники. Некоторое время я наблюдал за ними, а потом снова увидел тех девчонок, которые тарасились на меня в зале, и опустил глаза. Меньше всего мне хотелось, чтобы они осмелели и подошли. Разговаривать нам было не о чем.

Я так и стоял, опустив голову, когда услышал приближающиеся шаги. Поппи бросилась мне на грудь и крепко-крепко обняла. Я уже был под шесть футов и прилично возвышался над Поппи с ее пятью футами. Что мне, однако, нравилось, так это то, как идеально она мне подходила.

Я глубоко вдохнул, втягивая ее сахарно-сладкий запах, и прижался щекой к макушке Поппи. Пообнимавшись еще немного, она отстранилась и с улыбкой посмотрела на меня. Ее зеленые глаза казались огромными под накрашенными ресницами, а розовые губы соблазнительно блестели благодаря вишневому бальзаму.

Я погладил ее плечи, шею и взял в ладони прелестное личико. Тяжелые от туши ресницы затрепетали, что только добавило ей соблазнительности.

Искушение было слишком велико. Я медленно наклонился и с трудом сдержал улыбку, услышав, как у нее перехватило дыхание. Так случалось каждый раз, когда я целовал ее, за мгновение до того, как наши губы встречались.

И вот они встретились, и я втянул в себя ее запах. От нее всегда шел аромат вишни. Она пользовалась вишневым бальзамом для губ, и теперь этот запах заполнял мой рот. Поппи ответила на мой поцелуй и вдобавок вцепилась пальчиками в мою черную футболку.

Медленно и нежно, не отрываясь, пока хватало дыхания...

Прежде чем отстраниться, я оставил на ее распухших губах три коротких, легких поцелуя.

Ресницы Поппи снова затрепетали, глаза открылись. Ее зрачки расширились, она облизала нижнюю губу и наградила сияющей улыбкой.

– Поцелуй триста пятьдесят два. От Руны, у стены концертного зала. – Я затаил дыхание в ожидании продолжения. Судя по тому, как блеснули ее глаза, заветные слова уже ждали своей очереди. Поппи привстала на цыпочки, потянувшись вперед и прошептала: – И мое сердце едва не разорвалось. – В счет шли только особенные поцелуи, и каждый раз, когда мы целовались, я ждал этих слов с надеждой и волнением.

Произнеся их, она вдобавок едва не сразила меня улыбкой.

Потом Поппи рассмеялась, и столько счастья зазвенело в этом смехе, что мои губы сами собой растянулись в широкую ухмылку. Я быстренько поцеловал ее еще раз в губы и, отступив, обнял одной рукой за плечи и привлек к себе. Ее макушка оказалась под моей щекой. Поппи обхватила меня руками, и я вдруг почувствовал, как она напряглась.

Те самые девчонки-девятокклассницы, что еще недавно тарасились на меня, теперь переключились на Поппи и, указывая на нее, оживленно перешептывались и хихикали. Я стиснул зубы. Большинство девчонок обращались с ней вот так исключительно из ревности, так как не могли простить, что она заполучила то, на что претендовали они. Поппи говорила, что не обращает на них внимания, но я видел – обращает. И то, что она напряглась сейчас в моих объятиях, это подтверждало.

Я встал перед Поппи, подождал, пока она поднимет голову, и строго сказал:

– Не смотри на них.

Она вымученно улыбнулась:

– Я и не смотрю. Мне до них нет никакого дела.

Я вскинул брови и слегка наклонил голову.

– Правда, Руна. Точно тебе говорю, – попыталась соврать она и для убедительности оглянулась и пожала плечами. – Но я их понимаю. Ты сам на себя посмотри. Такой роскошный парень. Высокий, загадочный, экзотический... Норвежец! – Поппи рассмеялась и положила ладонь мне на грудь. – У тебя особый шарм такого плохого парня, и инди-стиль очень тебе идет. Девочки просто не могут устоять перед таким красавцем. Ты – это ты. Ты – совершенство.

Я придвинулся еще ближе, и ее зеленые глаза расширились.

– А еще я – *твой*.

Под моими пальцами напряжение понемногу уходило из ее плеч. Я просунул руку под ладонь, все еще лежавшую на моей груди.

– И никакой я не загадочный. Ты, *Поппимин*, знаешь обо мне все, что только можно знать: никаких загадок, никаких тайн.

– Для меня. – Она посмотрела мне в глаза. – Да, для меня ты не тайна. Но не для остальных девочек в нашей школе. Они все хотят тебя.

Я уже начал злиться.

– А я хочу только тебя. – Поппи прищурилась, как будто выискивала что-то в моем выражении, и это разозлило меня еще больше. Я сплел наши пальцы и прошептал: – Вместе навсегда.

Вот теперь ее губы тронула настоящая, неподдельная улыбка.

Я ткнулся лбом в ее лоб. Сжал ладонями щеки.

– Мне нужна ты, и только ты. С пяти лет, когда ты протянула мне руку. Мне нужна ты, и этого никто не изменит, никакая другая девушка.

– Да? Правда? – с оттенком недоверия спросила Поппи, но за сомнением прозвучали веселые нотки.

– *Ja*, – ответил я по-норвежски, и у меня в ухе зазвенел ее милый смех. Ей нравилось, когда я разговаривал с ней на своем родном языке. – Твои родители просили передать, что забрали девочек домой.

Поппи кивнула и немного обеспокоенно посмотрела на меня.

– Ну, как прошло сегодня? Что ты думаешь?

Я картинно закатил глаза, поморщился и сухо, строгим тоном произнес:

– Как всегда, ужасно.

Поппи расхохоталась и ткнула кулаком мне в локоть.

– Руне Кристиансен! Не будь таким противным!

– Ладно, не буду, – обиженно проворчал я и, обхватив ее обеими руками, прижал к себе и принялся целовать. Поппи пискнула и попыталась высвободиться. Начав со щеки, я продвигался ниже и ниже, пока не добрался до шеи и услышал, как у нее перехватило дыхание. Теперь ей было уж не до смеха.

– Ты была восхитительна, – прошептал я, захватывая зубами мочку ее уха. – Как всегда. Идеальное исполнение. Ты завладела сценой. Все в зале слушали только тебя.

– Руне... – пробормотала она со счастливой ноткой в голосе.

Я отстранился, но руки размыкать не стал.

– Когда ты на сцене, меня переполняет гордость за тебя.

Поппи покраснела.

– Руне... – смущенно произнесла она и снова попыталась вывернуться, но я не выпускал.

– Карнеги-холл, помнишь? Придет день, и ты будешь выступать в Карнеги-холле, а я – смотреть на тебя из зала.

Поппи все-таки вытащила одну руку и похлопала меня по запястью.

– Ты мне льстишь.

Я покачал головой:

– Никогда. Всегда только правду.

Поппи прижалась губами к моим губам, и ее поцелуй пробрал меня с головы до ног. Потом она отстранилась, и я выпустил ее из кольца рук.

– Пойдем на поляну? – спросила Поппи, когда я повел ее через парковочную площадку, мимо продолжавших толкаться поблизости девятиклассниц.

– Мне, кроме тебя, никто не нужен.

– Джори спрашивала, придем ли мы. Там все собираются. – Поппи посмотрела на меня. Губы ее дрогнули, и я понял, что хмурюсь. – Сегодня же пятница, Руне. Нам пятнадцать, а ты совсем не развлекаешься, только смотришь, как я играю на виолончели. У нас еще есть время, давай повидаемся с друзьями, как нормальные подростки.

– Ладно, – согласился я и, обняв ее за плечи, наклонился к самому уху. – Но завтра делить тебя ни с кем не стану.

Поппи привлекла меня к себе:

– Не возражаю.

Девчонки у нас за спиной снова оживились. Кто-то произнес мое имя. Я раздраженно вздохнул, а Поппи едва заметно напряглась и, не поднимая головы, сказала:

– Это потому что ты другой, не такой, как все. У тебя есть художественный вкус, ты увлекаешься фотографией. Носишь темную одежду. – Она рассмеялась и тряхнула головой. Я отбросил волосы с лица. – А в первую очередь из-за этого.

– Из-за чего? – нахмурился я.

Поппи привстала на цыпочки и потянула меня за длинный локон.

– Когда ты вот так делаешь. Когда откидываешь волосы. – Я удивленно вскинул бровь, а она пожала плечами. – Устоять невозможно.

– *Ja?* – Я встал перед Поппи и нарочитым жестом отбросил с лица прядь. – Говоришь, устоять невозможно? И к тебе это тоже относится? – Она прыснула со смеху и схватила меня за руку. Мы прошли по дорожке к поляне – участку в парке, где вечерами собирались ребята из нашей школы.

– Вообще-то, Руне, меня не трогает, что на тебя засматриваются другие девчонки. Я знаю, как ты относишься ко мне, что чувствуешь, потому и сама отношусь к тебе так же и чувствую то же. – Поппи втянула нижнюю губу. Это означало, что она нервничает, но почему, я даже не представлял, пока она не продолжила: – Единственная, кто меня беспокоит, это Эвери. Она давно на тебя глаз положила и, даю руку на отсечение, готова на все, чтобы только заполучить желаемое.

Я покачал головой. Эвери мне даже не нравилась, но постоянно кружилась поблизости, потому что была в той же группе, что и большинство наших друзей. Все мои знакомые считали ее первой красоткой, но я их мнения не разделял и с трудом переносил ее отношение ко мне. Да и к Поппи тоже.

– Она ничего для меня не значит. Пустое место, понимаешь, *Поппимин?*

Поппи прижалась ко мне еще крепче. Мы повернули вправо, к нашим друзьям. Эвери сидела на земле и, увидев нас, выпрямилась.

Я снова наклонился к Поппи и повторил:

– *Пустое место.*

Вместо ответа она дернула меня за рубашку. Ее лучшая подруга, Джори, вскочила и раскрыла объятия. Вбалмошная, прямодушная, из тех, кто сначала говорит, а потом думает, она любила Поппи, которая отвечала ей тем же. В нашем городишке Джори была одной из тех немногих, кто воспринимал странности Поппи как нечто восхитительное и очаровательное, а не мрачное и подозрительное.

– Ты как, милая? – спросила Джори и, отступив на шаг, окинула подругу, на которой еще было черное концертное платье, оценивающим взглядом. – Чудесно выглядишь! Офигительно!

Поппи благодарно кивнула. Я снова взял ее за руку и повел к небольшому костру, который ребята развели в декоративном очаге. Мы сели на деревянную скамью. Поппи устроилась у меня на коленях, прижалась спиной к моей груди, а щекой к шее.

– Ну что, Попс, как оно? – спросил Дядсон, мой лучший друг, сидевший по другую сторону костра. Другой мой близкий приятель, Дикон, приветственно кивнул, а его подружка, Руби, помахала нам.

Поппи пожала плечами:

– Вроде бы неплохо.

– Как всегда, звезда шоу, – добавил я, крепко обнимая Поппи и улыбаясь моему темно-волосому другу.

– Это же всего-навсего виолончель. Ничего особенного, – негромко возразила она.

Я покачал головой:

– Публика была в восторге.

Джори улыбнулась, а Эвери картинно закатила глаза. Не обращая внимания на Эвери, Поппи заговорила с Джори о школьных делах.

– Перестань, Попс. Говорю тебе, мистер Миллен – злобный инопланетянин. Или демон. Короче, откуда-то оттуда, из мира, о котором мы ничего не знаем. И директор вызвал его специально, чтобы мучить нас, слабых юных землян, заумной алгеброй. Для него это способ получения жизненной силы, тут у меня никаких сомнений нет. И, похоже, он нацелился на меня. Потому что я знаю, что он – пришелец. Господи! Он так на меня пялится!

– Джори! – расхохоталась Поппи. Ей было хорошо, и я, глядя на нее, улыбнулся. А потом отключился, прислонился к спинке скамейки и, неспешно рисуя пальцем узоры на запястье Поппи и слушая вполуха разговоры друзей, ушел в свои мысли. Больше всего мне хотелось поскорее свалить отсюда. Я был не прочь потрепаться с ребятами, но предпочитал компанию Поппи. Лишь ее общества мне не доставало; лишь в одном месте я желал быть – рядом с ней.

Джори, наверно, сказала что-то забавное, и Поппи даже подпрыгнула от смеха, задев висевший у меня на шее фотоаппарат. Она тут же виновато улыбнулась, а я наклонился, взял ее за подбородок и поцеловал в губы. Обычный, мимолетный поцелуй, ничего такого, но Поппи вдруг запустила пальцы мне в волосы, потянула к себе и раскрыла губы. Наши языки встретились, и у меня перехватило дыхание.

Ее пальцы запутались в моих волосах. Я положил руку ей на шею, чтобы продлить поцелуй. Если бы не нужно было дышать, я бы, наверно, никогда и не отнял губ.

Отдавшись целиком поцелую, мы опомнились и отстранились только тогда, когда неподалеку кто-то откашлялся. Я поднял голову – по другую сторону костра ухмылялся Джадсон, а когда опустил глаза, увидел полыхающие от смущения щеки Поппи. Наши друзья отворачивались, сдерживая смех. Ничуть не смутившись – она же моя девушка! – я обнял ее еще крепче.

Затихший было разговор возобновился, а я стал проверять, в порядке ли фотоаппарат. Родители купили его мне на тринадцатый день рождения, когда заметили, что фотография становится моей страстью. Это был винтажный «Сапон» шестидесятых годов. Я таскал его с собой повсюду и уже нащелкал тысячи фотографий. Не знаю почему, но в этой возможности поймать и сохранить мгновение было что-то магическое. Может быть, потому что иногда жизнь оставляет нам только эти вот моменты. Здесь уже ничего не изменишь, не переделаешь; что случается в тот или иной момент, то и определяет жизнь. Возможно, это и есть сама жизнь. Но сохраняя мгновение на пленке, ты даешь ему вечную жизнь. Для меня фотография – магия.

Я мысленно прокрутил каталог. Снимки с натуры, цветущие вишни в нашей роще занимали едва ли не всю пленку. Сегодня добавились фотографии Поппи на концерте. Ее очаровательное личико в момент полной самоотдачи. Такое выражение появлялось у нее только тогда, когда она смотрела на меня. Для Поппи я был особенным. Таким же особенным, как музыка.

И с музыкой, и со мной ее связывали нерушимые узы.

Я поднял руку с сотовым, вытянул вперед, направил камеру на нас. Поппи уже выключилась из общего разговора и теперь рассеянно водила кончиками пальцев по моей руке. Поймав ее врасплох, я щелкнул ровно в тот момент, когда она посмотрела на меня. В ее глазах промелькнула досада, и я тихонько усмехнулся. Конечно, Поппи не злилась по-настоящему, а только притворялась, что ей надоедают. На самом деле ей нравились все мои фотографии, даже сделанные исподтишка, когда она меньше всего этого ожидала.

Стоило мне только открыть фотографию, как сердце мгновенно заколотилось в груди. Поппи смотрела на меня, и она была, как всегда, прекрасна, но в этот раз меня сразило проступившее на ее лице выражение. *То самое* выражение в ее зеленых глазах, которое она равно дарила музыке и мне. То самое, которое говорило, что она принадлежит мне, а я принадлежу ей. То, которое говорило, что хотя мы еще молоды, но мы уже нашли друг в друге родную душу, стали половинками целого.

– Можно посмотреть?

Ее тихий голос отвлек меня от экрана. Она улыбнулась, и я опустил руку и повернул телефон так, чтобы ей был виден дисплей.

Взгляд ее смягчился, по губам скользнула тень улыбки.

– Руне, – прошептала Поппи едва слышно и, потянувшись, взяла мою свободную руку.

Я сжал ее пальцы.

– Сделай и мне такую, ладно? Чудесно получилось.

Я кивнул и поцеловал ее.

Вот почему мне так нравится фотография. Она может поймать истинное чувство, даже если оно выглянуло лишь на долю секунды.

Выключая камеру, я обратил внимание на цифры в уголке экрана и, наклонившись, негромко сказал:

– Нам пора домой. Уже поздно.

Поппи кивнула. Я поднялся и помог подняться ей.

– Уже уходите? – спросил Джадсон.

– Да. Увидимся в понедельник. – Я помахал остальным и взял Поппи за руку. По пути домой мы почти не разговаривали, а когда подошли к ее дому, остановились и обнялись. Я прижал ее к груди и положил ладонь ей на шею. Она вскинула голову и посмотрела на меня снизу вверх.

– Ты такая замечательная. Уверен, у тебя не будет проблем с поступлением в Джульардскую школу. Нисколько не сомневаюсь, что твоя мечта – играть в Карнеги-холле – обязательно исполнится.

Поппи широко улыбнулась и дернула за ремешок висевшей у меня на шее камеры.

– А ты поступишь в Нью-Йоркскую школу искусств Тиш. Мы будем вместе, как и планировали всегда. Как и должно быть.

Я кивнул и коснулся губами ее щеки.

– И тогда никакого комендантского часа² уже не будет. – Поппи рассмеялась. Я спустился со щеки к губам, задержался на секунду и отступил.

Как раз в этот момент дверь открылась, и на пороге возник мистер Личфилд. Увидев, что я отстраняюсь от его дочери, и прекрасно понимая, что мы делали, он рассмеялся и сухо добавил:

– Спокойной ночи, Руне.

– Спокойной ночи, мистер Личфилд.

Поппи зарделась и шмыгнула в дом, а я пересек лужайку, открыл дверь и прошел в гостиную. Родители сидели на диване в напряженных, как мне показалось, позах.

– *Hei*, – сказал я.

Мама вскинула голову:

– *Hei*, малыш.

– Что случилось? – нахмурился я.

Мама бросила вопросительный взгляд на папу и покачала головой.

– Ничего, малыш. Как Поппи? Хорошо отыграла? Извини, мы не смогли прийти.

Я стоял и смотрел на родителей. Они что-то скрывали, о чем-то умалчивали – это было ясно. Не дождавшись продолжения, я медленно кивнул и ответил на мамин вопрос.

– Как всегда, безупречно.

В ее глазах, похоже, блеснули слезы, но она тут же сморгнула их. Ситуация сложилась неловкая.

– Проявлю пленку, – я постучал по фотоаппарату, – и спать.

Голос отца догнал меня у лестницы.

– Мы уезжаем завтра. Всей семьей.

² В США действует комендантский час для подростков. Как правило, каждый штат сам устанавливает время, до которого подростки могут находиться на улице без сопровождения взрослых.

Я замер:

– Не могу. Мы с Поппи планировали провести день вместе.

Отец покачал головой:

– Только не завтра.

– Но... – попытался возразить я, но папа не дал говорить.

– Я сказал нет. Ты едешь с нами, это решено. С Поппи встретишься, когда вернемся. Мы не на весь день уезжаем.

– Да что тут на самом деле происходит?

Отец подошел и остановился передо мной. Положил руку мне на плечо.

– Ничего, Руне. Просто из-за работы я почти совсем тебя не вижу. Хочу это изменить, поэтому завтра мы проведем день на пляже.

– Ну, тогда ведь Поппи может поехать с нами? Ей нравится на пляже. Это одно из ее любимых мест.

– Не завтра, Руне.

Я стоял молча, недовольный и злой, понимая, что сегодня он не уступит.

– Иди, проявляй свою пленку, – устало вздохнул он. – И ни о чем не тревожься.

Я так и сделал. Спустился в подвал и зашел в узкий закуток, который папа превратил в фотолабораторию. Можно было бы пользоваться цифровой камерой, но я работал по старинке и все еще проявлял пленки. Мне казалось, так получается лучше.

Через двадцать минут передо мной лежала вереница новых фотографий. Отпечатал я и снимок с телефона, тот, на котором были мы с Поппи. Его я взял с собой в спальню, а по пути заглянул в комнату младшего брата, двухлетнего Элтона. Он лежал, свернувшись, прижав к себе плюшевого медвежонка, и его спутанные светлые волосы разметались по подушке.

Я толкнул дверь и включил лампу. Посмотрел на часы – время приближалось к полуночи. Я откинул упавшие на глаза волосы, подошел к окну и невольно улыбнулся, увидев на фоне погрузившегося в темноту дома Личфилдов одно светлое окно – сигнал Поппи, означавший, что берег чист и путь открыт.

Я запер изнутри дверь и выключил лампу. Спальня наполнилась тьмой. Я быстро переоделся в пижамные брюки и куртку, неслышно поднял окно и выбрался наружу. Пробежав через лужайку между нашими двумя домами, я забрался в комнату Поппи и осторожно, стараясь не шуметь, закрыл окно.

Поппи лежала в постели, укрывшись одеялом. Глаза закрыты. Дыхание ровное и спокойное. Ладонь под щекой. Невольно залюбовавшись этой трогательной картиной, я подошел ближе, положил на тумбочку подарок и сам устроился рядом.

Мы лежали рядом, деля одну подушку.

Так продолжалось уже не один год. Первый раз я остался у нее по ошибке. Мне было двенадцать – я забрался в ее спальню просто поговорить и сам не заметил, как уснул. К счастью, проснулся утром рано и домой успел вернуться незамеченным. Но на следующий вечер остался уже умышленно, а потом это стало едва ли не обычным делом. Нам повезло – никто ничего не узнал, и наша тайна осталась тайной. Уж и не знаю, как бы повел себя мистер Личфилд, узнав, что я провожу ночи в постели с его дочерью.

Вот только спать рядом с Поппи становилось все труднее и труднее. Мне уже исполнилось пятнадцать, и мои чувства к ней изменились. Я и смотрел на нее иначе. И с ней происходило то же самое. Мы целовались все больше и больше, и поцелуи уже не были невинными, а наши руки забирались в такие места, куда им забираться не следовало. И нажать на тормоз бывало все труднее. Я хотел большего. Я хотел мою девушку всю, целиком.

Но мы были слишком молоды и знали это.

Вот только легче от этого не становилось.

Поппи пошевелилась.

– Думала, ты уже не придешь сегодня. Ждала-ждала, а ты все не приходил и не приходил, – сонно проворчала она, убирая волосы с моего лица.

Я взял ее руку, приник губами к ладони.

– Долго проявлял пленку. И родители вели себя как-то странно.

– Странно? Это как? – спросила Поппи, придвигаясь ближе и целуя меня в щеку.

Я покачал головой.

– Ну, не знаю... странно. По-моему, что-то происходит, но они не говорят, не хотят, чтобы я беспокоился.

Поппи озабоченно нахмурилась. Я сжал ее ладонь и, вспомнив про подарок, протянул руку и взял с тумбочки фотографию, которую вставил дома в простенькую серебряную рамку. Потом коснулся пальцем иконки фонарика на телефоне и повернул рамку так, чтобы ее было лучше видно.

Поппи тихонько ахнула, и ее лицо осветилось улыбкой. Она взяла фотографию, провела пальцем по стеклу и, полюбовавшись секунду-другую, поставила на тумбочку.

– Мне нравится.

Поппи приподняла одеяло, и я придвинулся поближе, положил руку ей на талию и принялся целовать ее щеки и шею. В какой-то момент мои губы коснулись одного местечка под ухом, и она хихикнула и отстранилась.

– Руне! Щекотно!

Я отодвинулся и просунул ладонь между ее руками.

– Ну? – шепотом спросила она, наматывая на палец длинную прядь моих волос. – Что будем делать завтра?

Я закатил глаза:

– Ничего не получится. Папа объявил семейный день, и мы все отправляемся на пляж.

У нее вспыхнули глаза.

– Правда? – Она села. – Обожаю пляж!

Мне стало не по себе.

– Он сказал, поедем только мы одни. Только семья.

– О... – огорченно протянула Поппи и откинулась на подушку. – Я что-то не так сделала? Чем-то провинилась? Твой папа всегда приглашает меня со всеми вами.

– Да нет, нет, – запротестовал я. – В том-то и дело. Говорю же, они странно себя ведут. Папа сказал, что хочет, чтобы мы провели этот день семьей, но мне кажется, тут что-то еще кроется.

– Ладно, – грустно согласилась Поппи.

Я погладил ее по щеке:

– Обещаю, к обеду вернусь. И завтрашний вечер проведем вместе.

Поппи взяла меня за руку. Ее зеленые глаза в тусклом свете лампы казались необыкновенно большими.

– Хорошо.

Я провел ладонью по ее каштановым волосам:

– Ты такая красивая.

Румянец окрасил ее щеки. Я подался к ней, впился губами в ее рот и раздвинул языком ее губы. Поппи чуть слышно охнула и вцепилась в мои волосы.

Я не мог оторваться. Чем больше мы целовались, тем жарче становился ее рот. Мои руки скользили по ее голым рукам и опускались все ниже и ниже, к талии.

Поппи повернулась на спину, и моя ладонь скользнула по ее ноге. Я прижался еще теснее и потерся о нее. Поппи мотнула головой, со стоном оторвавшись от моих губ. Но я не остановился и продолжал целовать ее все настойчивее – в щеку, шею, плечо. Моя рука забралась под сорочку, и пальцы ритмично поглаживали мягкий низ ее живота. Она потянула меня за волосы

и, развернувшись, обвила меня ногой. Я глухо застонал и, потянувшись, захватил ее рот. Наши языки столкнулись, и моя рука двинулась вверх.

Поппи разорвала поцелуй:

– Руне...

Я уронил голову, уткнувшись лицом в ложбинку между шеей и плечом и с трудом переводя дух. Желание было столь велико, что казалось, мне неостанет сил взять его под контроль и остановиться.

Поппи поглаживала меня по спине, и я попытался успокоиться, сосредоточившись на ритме ее пальцев.

Минута шла за минутой. Я лежал неподвижно, распластавшись на Поппи, вдыхая ее аромат, чувствуя под рукой ее мягкий живот.

– Руне? – прошептала она.

Я поднял голову.

Она тут же дотронулась до моей щеки.

– Малыш? – В ее голосе прозвучала тревожная нотка.

– Все в порядке, – прошептал я как можно тише, чтобы не побеспокоить ее родителей, и заглянул в ее глубокие глаза. – Просто чертовски тебя хочу. Когда вот такое случается... когда мы заходим так далеко... я как будто теряю рассудок.

Поппи запустила пальцы мне в волосы, и я закрыл глаза, наслаждаясь ее прикосновениями.

– Прости. Мне так жаль...

– Нет, – решительно перебил я, невольно повысив голос. Получилось слишком громко. Огромные глаза Поппи смотрели на меня. Я отодвинулся. – Не надо. Не извиняйся за то, что остановила меня. Мы не сделаем ничего, о чем тебе придется потом пожалеть.

С ее распухших от поцелуев губ слетел долгий вздох.

– Спасибо, – прошептала она. Моя рука нашла ее руку, и наши пальцы переплелись.

Я сдвинулся к краю и кивнул, приглашая ее в объятия. Поппи положила голову мне на грудь. Я закрыл глаза и постарался выровнять дыхание.

В конце концов сон все же взял верх. Палец Поппи выписывал узоры на моем животе. Я уже проваливался в забытие, когда она вдруг прошептала:

– Ты – мое все, Руне Кристиансен. Надеюсь, тебе это известно.

Глаза распахнулись сами собой. Подсунув палец под подбородок, я повернул ее лицо к себе. Ее приоткрытые губы ждали поцелуя.

Я поцеловал ее – нежно, мягко – и отстранился. Лежа с закрытыми глазами, Поппи улыбнулась. Она выглядела такой счастливой и умиротворенной, что моя грудь разрывалась от нежности.

– Вместе навсегда, – прошептал я.

Она повернулась, устраиваясь поудобнее, и ответила тоже шепотом:

– На веки вечные.

И мы оба уснули.

3

Песчаные дюны и соленые слезы

Руне

– Руне, нам нужно поговорить, – сказал папа, когда мы уже сидели за ланчем в ресторане с видом на пляж.

– Вы что, собрались разводиться?

– Нет, Руне. – Он побледнел и тут же принялся уверять меня в обратном, а для убедительности взял маму за руку. – Господи, конечно, нет. – Мама улыбнулась, но в ее глазах блеснули слезы.

– Тогда о чем? – спросил я.

Папа медленно отклонился на спинку стула.

– Твоя мама недовольна не мной, а моей работой. – Это заявление совершенно сбило меня с толку, но тут он добавил: – Меня переводят в Осло. У компании возникла проблема, и мне поручено ее решить.

– И на сколько ты уезжаешь? Когда вернешься?

Папа провел ладонью по густым коротким волосам – точно так же, как это делал я.

– В том-то и дело, – осторожно сказал он и вздохнул. – Возможно, придется задержаться на несколько лет. Возможно, на несколько месяцев. Если оценивать реалистично, то это продлится от одного года до трех лет.

У меня глаза полезли на лоб.

– И ты оставишь нас здесь, в Джорджии, на такой срок?

Мама накрыла мою руку своей. Я смотрел на нее, ничего не понимая, но потом смысл сказанного отцом стал понемногу до меня доходить.

– Нет, – негромко произнес я, качая головой. Нет, он не мог поступить так со мной. Не мог *так* со мной обойтись.

Я посмотрел на него, и он виновато отвел глаза.

Все стало ясно.

Так вот почему мы поехали на пляж. Вот почему он хотел, чтобы мы были одни. Вот почему не разрешил взять с собой Поппи.

Сердце как будто пустилось вскачь. Лежавшие на столе руки задрожали. Мысли бросились враспынную. Нет, они этого не сделают... не могут... *Я не хочу!*

– Нет! – бросил я. Вышло громко, и сидевшие за соседними столиками посмотрели в нашу сторону. – Я никуда не поеду. Я не оставляю ее.

Я с надеждой повернулся к маме, но она опустила глаза. Я вырвал руку из-под ее ладони.

– Мама? – В ответ на мою мольбу она покачала головой.

– Мы – семья, Руне. Мы не можем расставаться на такой долгий срок. Нам всем нужно поехать с папой. Мы – семья.

– Нет! – крикнул я и, отодвинув стул, вскочил и сжал кулаки. – Я не оставляю ее! Вы меня не заставляйте! Наш дом – здесь! Вы не заставляйте меня вернуться в Осло!

– Руне! – Папа тоже поднялся и протянул руки. – Успокойся.

Но я уже не мог находиться с ним рядом и, повернувшись, выбежал из ресторана и повернул к пляжу. Солнце спряталось за темными тучами, холодный ветер гнал по берегу песок. Я бежал к дюнам, и колючие зернышки били в лицо.

Гнев и злость бушевали во мне, норовя вырваться наружу. *Как они могли так поступить со мной? Они же знают, что мне не жить без Поппи.*

Дрожа от злости, я забрался на самую высокую дюну и упал на вершине. Надо мной расстилалось серое, сумрачное небо. Жить в Норвегии без Поппи? Не быть с ней рядом? Не держать ее руку? Не целовать ее губы? От одной этой мысли меня едва не стошнило. Нет, невозможно.

Горло перехватило – ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Мысли метались в поисках выхода. Что можно сделать, чтобы остаться? Но хватаясь то за один, то за другой вариант, я понимал, что отца не переубедить. Если он решил для себя что-то, то уже не отступится. Мне придется поехать с ними – выражение на его лице ясно показывало, что другого варианта нет. Они разлучали меня с моей девушкой, моей половинкой. И я ничего не мог с этим поделать. Будь оно проклято.

Кто-то поднимался на дюну. Конечно, это был он, мой отец. Он сел рядом. Я отвернулся к морю. Не хотел его видеть. Не хотел даже замечать.

Какое-то время мы молчали, потом я спросил:

– Когда мы уезжаем?

Я почувствовал, как он напрягся, и искоса взглянул на него. Отец смотрел на меня с жалостью и сочувствием, и от этого мне сделалось еще хуже.

– Когда?

Он вздохнул и опустил глаза.

– Завтра.

Мир замер.

– Что? – не веря своим ушам, прошептал я. – Как так? Это невозможно.

– Мы с твоей матерью узнали обо всем месяц назад, но решили ничего не говорить до самого последнего дня. Знали, что тебе это не понравится. Мне нужно быть на работе, в Осло, уже в понедельник. Со школой вопросы улажены, документы перешлют в твою новую школу. Твой дядя подготовит дом к нашему возвращению. Моя компания наняла рабочих – они придут к нам уже завтра, – и вещи отправят в Норвегию морем.

Я посмотрел на отца и впервые в жизни почувствовал, что ненавижу его. Меня просто тошнило от злости. Я стиснул зубы и отвернулся.

– Руне, – мягко сказал отец и положил руку мне на плечо.

– Не трогай меня, – прошипел я, отворачиваясь. – Никогда больше не прикасайся ко мне и не заговаривай со мной. Я никогда – *никогда!* – не прощу тебя за то, что ты разлучил меня с ней.

– Понимаю, но... – начал он, но я не дал ему договорить.

– Нет, не понимаешь. Ты понятия не имеешь, что Поппи значит для меня. Ни малейшего. Потому что, если бы понимал, ты не стал бы увозить меня от нее. Ты сказал бы своей компании, что не хочешь уезжать, что нам нужно остаться.

Он вздохнул:

– Я – инженер технического отдела, и у меня есть обязанности перед компанией. Мне необходимо быть там, где я нужен. В данный момент это Осло.

Я промолчал. Мне было наплевать, что он какой-то там инженер-техник в какой-то там захудалой компании. Меня бесило, что они знали все заранее, но сказали только сейчас. Я не мог смириться с этим переездом.

Не дождавшись ответа, отец сказал:

– Пойду, соберу вещи. Тебе нужно быть у машины через пять минут. Проведи сегодняшний вечер с Поппи. Я хочу, чтобы у тебя по крайней мере была возможность попрощаться с ней.

В глазах защипало. Я отвернулся, чтобы он не видел моих слез. Чертовы слезы. Злость не давала мне справиться с ними. Я почти никогда не плакал – только когда злился, – а теперь не мог продохнуть от гнева.

– Это не навсегда. В крайнем случае на несколько лет, а потом мы вернемся. Моя работа, наша жизнь – здесь, в Джорджии. Но я должен быть там, куда посылает меня компания. А в Осло не так уж плохо – мы ведь сами оттуда. И твоя мама будет счастлива вернуться на родину, там, где ее семья. Мы думали, что, может быть, и ты... тоже...

Я не ответил. Несколько лет без Поппи – это же целая жизнь! А до семьи мне не было никакого дела.

Волны ритмично накатывали на берег. Сломленный и растерянный, я сидел до последнего, потом поднялся и пошел к машине. Мне так хотелось увидеть Поппи. Но что ей сказать? Как объяснить, что мы уезжаем? Я знал, что разобью ей сердце, и эта мысль сводила меня с ума.

Услышав сигнал, я побежал к машине, где уже ждали родители. Мама попыталась улыбнуться мне, но я даже не посмотрел на нее и забрался на заднее сиденье. Машина тронулась, и я уставился в окно.

Кто-то потянул за рукав рубашки. Я повернулся – это был Элтон. Склонив набок голову, он вопросительно смотрел на меня. Я взъерошил его растрепанные светлые волосы. Элтон рассмеялся, но улыбка быстро угасла, и он всю дорогу, до самого дома, смотрел на меня. Удивительно, мой маленький братишка будто чувствовал мою боль так, как не чувствовали родители.

Поездка показалась вечностью. Наконец мы остановились на подъездной дорожке, и я, вылетев из машины, со всех ног бросился к дому Личфилдов.

На стук в дверь через несколько секунд ответила миссис Личфилд. Она взглянула на меня сочувственно, и ее глаза потеплели. Миссис Личфилд посмотрела в сторону нашего дома и помахала моим родителям, забиравшим вещи из машины.

Она тоже все знала.

– Поппи дома? – хрипло спросил я, с трудом выталкивая слова.

Миссис Личфилд обняла меня.

– Поппи в вишневой роще, милый. Сидит там с самого полудня, читает. – Она поцеловала меня в лоб. – Мне так жаль, Руне. Моя бедная дочь... Не представляю, что с ней будет. Ты для нее – все.

«И она для меня все», – хотел добавить я, но не смог выговорить ни слова.

Миссис Личфилд опустила руки, и я, спрыгнув с крыльца, стрелой полетел к роще.

Мне хватило нескольких минут. Искать Поппи не пришлось – она сидела под нашей любимой вишней. Я остановился в сторонке, чтобы не попасться ей на глаза, и с минуту просто смотрел на нее. Отгородившись от мира фиолетовыми наушниками, она читала какую-то книгу. Украшившиеся розовыми цветками ветки нависли над ней защитным куполом, спасая от яркого солнца. На ней было короткое белое платье без рукавов, в каштановых волосах – большой белый бант. Я словно вступил в сказочный мир.

Сердце сжалось от боли. Мы виделись с ней каждый день с тех пор, как мне исполнилось пять лет. С двенадцати мы едва ли не каждую ночь спали вместе, на одной кровати. Мы целовались каждый день с восьми лет. Я любил ее так давно, что уже потерял счет времени.

Как прожить без нее хотя бы день? Как дышать, когда ее нет рядом? Словно почувствовав что-то, Поппи оторвалась от книги и посмотрела в мою сторону. Я вышел на лужайку, и ее лицо осветилось улыбкой. Той особенной улыбкой, что предназначалась только мне.

Ответить тем же мне неостало сил. Я брел по дорожке, так густо усыпанной опавшими лепестками, что казалось, будто под ногами бежит бесшумный бело-розовый ручеек. Поппи не спускала с меня глаз, и ее улыбка постепенно меркла и меркла. Скрыть от нее что-то было невозможно. Она знала меня лучше, чем я сам, и сразу поняла, что я чем-то расстроен.

Я и раньше говорил ей, что во мне нет никакой тайны. По крайней мере для нее. Она была единственным на всем свете человеком, кто знал меня от и до. Поппи стянула с головы наушники, положила на траву книгу, подтянула колени и, обхватив их руками, выжидающе смотрела на меня.

Сглотнув засевший в горле ком, я опустился перед ней на колени и виновато потупился. Грудь сдавило. В конце концов я поднял голову. В глазах Поппи застыла настороженность и тревога, словно она уже чувствовала: то, что я сейчас скажу, изменит все.

Изменит нас.

Изменит жизнь каждого из нас.

Покончит с нашим миром.

– Мы уезжаем, – выдохнул я наконец.

Кровь отхлынула от ее лица, и оно стало белым как мел.

Я отвернулся, перевел дух и добавил:

– Завтра, *Поппимин*. Мы возвращаемся в Осло. Отец забирает меня у тебя. Он даже не пытается остаться.

– Нет, – прошептала Поппи и подалась вперед. – Но ведь что-то мы можем сделать? – Она разволновалась, ей не хватало воздуха. – А если ты останешься с нами? Переедешь к нам? Мы могли бы...

– Нет, – перебил я. – Ты же сама знаешь, что мой отец никогда этого не позволит. Они узнали обо всем несколько недель назад и уже переслали мои школьные документы. А мне не говорили, потому что знали, каким будет мой ответ. Мне придется уехать – выбора нет.

С цветка на нижней ветке сорвался и, кружась, словно перышко, слетел на землю одинокий лепесток. Я знал, что с этого дня каждый вишневый лепесток будет напоминать мне о Поппи. Здесь, в этой роще, она проводила едва ли не все свободное время. Рядом со мной. Это место она любила больше всего.

Я зажмурился и попытался представить ее здесь послезавтра... одну... Кто составит ей компанию в приключениях? Кто услышит ее смех? Кто подарит поцелуи для банки?

Острая боль пронзила грудь. Я повернулся к Поппи, и мое сердце разорвалось пополам. Она сидела на том же месте под деревом, и по ее милому личику текли молчаливые слезы, а маленькие кулачки дрожали на коленях.

– *Поппимин*, – прохрипел я, выталкивая засевшую внутри боль, и, метнувшись к ней, заключил в объятия. Поппи с плачем уткнулась мне в грудь. Я закрыл глаза, и ее отчаяние хлынуло в меня.

Наше отчаяние.

Какое-то время мы сидели так молча. Потом Поппи подняла глаза и прижала дрожащую ладонь к моей щеке.

– Руне. – Голос ее дрогнул. – Что... что я буду делать без тебя?

Я качнул головой – не знаю. Слов не было – они комком застряли в горле. Поппи прижалась к моей груди, обхватила руками.

Время шло. Мы молчали. Солнце померкло, опускаясь с оранжево-красного неба. Еще немного – и его место заняли звезды и яркая полная луна. Прохладный ветерок прошуршал по роще, и сорванные лепестки закружили в танце вокруг нас. Поппи поежилась в моих объятиях, и я понял – пора уходить. Я провел ладонью по ее густым волосам и прошептал:

– Нам пора.

Она вцепилась в меня еще крепче.

– Поппи?

– Не хочу никуда идти, – едва слышно произнесла она незнакомым хриплым голосом. Я заглянул в ее зеленые глаза. – Когда ты говоришь, что нам пора идти, это значит, что тебе пора уходить от меня.

Я провел тыльной стороной ладони по ее покрасневшим щекам. Они были холодные.

– Никаких прощаний, помнишь? Ты же сама всегда говоришь, что такой штуки, как прощание, не существует. Потому что мы всегда можем увидеть друг друга в снах. Как с

твоей бабулей. – Ее глаза наполнились слезами, и я осторожно вытер их подушечкой большого пальца.

– Ты замерзла. Уже поздно, и мне надо доставить тебя домой, чтобы не было проблем из-за опоздания.

Поппи выжала из себя бледную улыбку:

– Думала, настоящие викинги не играют по правилам.

Я усмехнулся и прижался лбом к ее лбу. Потом нежно поцеловал в уголки рта.

– Я отведу тебя домой, доставлю к дверям, а когда твои родители уснут, заберусь в твою спальню и проведу там последнюю ночь. Разве это не нарушение правил? По-твоему, этого недостаточно, чтобы считаться викингом?

Поппи хихикнула и потянула меня за длинную прядь.

– Ты мой единственный викинг, а других и не надо.

Я взял ее руки, поцеловал кончик каждого пальца и поднялся. Потом помог подняться Поппи и притянул ее к себе. Мы стояли, обнявшись, и я, вдыхая ее сладкий аромат, говорил себе, что сохранию в памяти этот миг и запомню ее именно такой.

Ветер крепчал. Я взял Поппи за руку, и мы молча зашагали по усыпанной лепестками дорожке. Опустив голову на мое плечо, она посмотрела на ночное небо. Я поцеловал ее в макушку и услышал, как она вздохнула.

– Ты замечал когда-нибудь, какое темное небо над этой рощей? По-моему, оно здесь темнее, чем в любом другом месте в городе. Если бы не такая яркая луна и мигающие звезды, оно было бы черным как смоль. И цветущие вишни на его фоне. Это что-то волшебное.

Я тоже задрал голову и посмотрел вверх. Она была права – картина и впрямь получилась сюрреалистическая.

– Такое только ты и замечаешь, – усмехнулся я и опустил голову. – Ты видишь мир иначе, чем другие. Потому, помимо прочего, я и люблю тебя. Ты все та же искательница приключений, которую я встретил, когда мне было пять лет.

Поппи сжала мою руку.

– Бабуля всегда говорила, что небо выглядит таким, каким ты хочешь его видеть. – От прозвучавшей в ее голосе печали у меня перехватило дыхание.

Она вздохнула:

– Любимое бабулино место было под нашей вишней. Когда я сижу там и смотрю на ряды деревьев, а потом на черное-черное небо, я иногда думаю, а не сидит ли она у этого же самого дерева там, на небесах, и не смотрит ли, как я, на черное-черное небо.

– Наверняка так оно и есть. И твоя бабушка сидит под деревом, смотрит на тебя и улыбается, как и обещала.

Поппи привстала на цыпочки и сорвала ярко-розовый цветок.

– А еще бабуля говорила, что все лучшее и красивое умирает быстро, вот как вишневый цветок. – Она вытянула руку с нежными лепестками на ладони. – Потому что прекрасное не может и не должно продолжаться долго. Оно живет лишь краткий миг, напоминая нам, сколь ценна жизнь, а потом, столь же быстро, как пришло, уходит. Бабуля говорила, что своей короткой жизнью прекрасное учит нас много большему, чем то, что постоянно рядом.

От боли в ее голосе мое сердце снова сжалось. Поппи подняла голову и посмотрела на меня.

– Ничто, столь совершенное, не может длиться вечно, ведь так? Взять хотя бы падающие звезды. Обычные звезды мы видим на небе каждую ночь, и большинство людей принимают их как что-то само собой разумеющееся или даже вообще их не замечают. Но когда человек видит падающую звезду, он запоминает этот момент навсегда и даже загадывает в этот миг желание.

Она вздохнула:

– Люди потому и ценят этот миг, что он так короток.

Мы держались за руки, и оба почувствовали, как на них упала слезинка. Я молчал, не зная, что сказать, смущенный ее речами. Почему она говорит о таких грустных вещах?

– Потому что все совершенное и особенное рано или поздно увянет и рассеется на ветру. Как вот этот цветок. – Поппи подняла руку с цветком, и налетевший порыв ветра подхватил его, бросил в небо и понес разлетевшиеся лепестки над деревьями.

Еще миг – и они исчезли из виду.

– Поппи... – начал я, но она меня перебила.

– Может быть, Руне, мы – вот такие же лепестки. Мы – как падающие звезды. Может быть, мы были слишком юны, любили слишком сильно и горели слишком ярко, а потому обречены погаснуть. – Она кивнула в сторону оставшейся за спиной рощи. – Совершенная красота, быстрая смерть. То, что мы так долго любили друг друга, это урок для нас. Урок, показывающий, что мы способны на настоящую любовь.

Сердце как будто провалилось в пропасть. Я взял Поппи за плечи, повернул к себе и замер как вкопанный – на ее прекрасном лице лежало выражение отрешенности и отчаяния.

– Послушай, *Поппимин*, – стараясь не поддаваться панике, заговорил я. – Я вернусь за тобой. Этот переезд в Осло, он не навсегда. Мы будем разговаривать каждый день. Будем переписываться. Мы останемся собой, Поппи и Руне. Этого ничто не сломает. Ты всегда будешь моей, ты всегда будешь владеть половинкой моей души. Это не конец.

Поппи шмыгнула носом и сморгнула слезы. При мысли, что она ставит крест на нас, мое сердце заколотилось, подстегнутое страхом. Ничего такого мне никогда и в голову не приходило. Мы не ставили точку, нет.

– Ничто не кончено, – с нажимом сказал я. – На веки вечные, *Поппимин*. Вместе навсегда. Ничто не кончено. Не смей даже думать об этом. С нами ничего этого не будет.

Поппи привстала на цыпочки и, копируя мой жест, взяла мое лицо в ладони.

– Ты обещаешь мне это? – застенчиво и робко спросила она, но за робостью и застенчивостью проступал страх. – Потому что мне еще нужно получить от тебя сотни поцелуев.

Я рассмеялся. Сковывавшее меня напряжение вдруг схлынуло, ему на смену пришло ощущение легкости.

– Обещаю. И поцелуев ты получишь не тысячу, а больше. Две тысячи, три или четыре.

Ее счастливая улыбка развеяла мою тревогу, и поцелуй получился неторопливый и нежный.

– Поцелуй триста пятьдесят четвертый. От моего Руне, в вишневой роще... и мое сердце едва не разорвалось, – объявила Поппи, отстранившись и открыв наконец глаза. А потом добавила: – Все мои поцелуи – от тебя. Никто, кроме тебя, не получит эти губы.

Еще раз коснувшись ее губ, я повторил вслед за ней:

– Все мои поцелуи – от тебя. Никто, кроме тебя, не получит эти губы.

Я взял ее за руку, и мы пошли по домам. В моем во всех окнах еще горел свет. У двери Личфилдов я наклонился и поцеловал ее в кончик носа, а потом прошептал на ухо:

– Приду через час.

– Хорошо, – прошептала Поппи и, шагнув ближе, положила ладонь мне на грудь. Я вздрогнул. Лицо у нее было такое серьезное, что мне вдруг стало не по себе. Она посмотрела на мою руку и медленно прошла пальцами по моей груди и животу.

Что происходит?

– *Поппимин*? – неуверенно спросил я.

Не говоря ни слова, Поппи убрала руку, повернулась и шагнула к двери. Я ждал, что она обернется и объяснит, но она просто прошла в открытую дверь, оставив меня на подъездной дорожке – думать и гадать, что бы это все значило?

В кухне Личфилдов загорелся свет, и я побрел домой. Первым, что бросилось в глаза, была гора ящиков и коробок в коридоре. Должно быть, их упаковали заранее и хранили где-то скрытно, чтобы они не попали мне на глаза.

Проходя мимо, я увидел в гостиной родителей. Отец окликнул меня, но я не остановился и сразу направился в свою комнату. Он вошел следом.

Я подошел к тумбочке и начал собирать вещи, которые хотел забрать с собой, и в первую очередь рамку с нашей с Поппи фотографией, которую сделал прошлым вечером. Я посмотрел на нее, и сердце сжали тиски. Не знаю, возможно ли такое, но я уже скучал по ней. Скучал по нашему дому.

Скучал по моей девушке.

Чувствуя за спиной молчаливое присутствие отца, я негромко сказал:

– Ненавижу тебя за то, что ты со мной делаешь.

Позади меня кто-то тихонько охнул. Я обернулся – рядом с отцом стояла мать. Оба выглядели потрясенными до глубины души. Ничего подобного никогда прежде они от меня не слышали. Мне всегда нравились мои папа и мама, и я не понимал тех ребят, которые терпеть не могли своих родителей.

Не понимал до сегодняшнего дня.

Теперь я их ненавижу.

Такой ненависти я еще никогда и ни к кому не испытывал.

– Руне... – начала мама, но я перебил ее.

– Никогда не прощу вас, вас обоих, за то, что вы делаете сейчас со мной. Я так вас ненавижу, что даже быть с вами не могу.

Неожиданно для меня самого это прозвучало резко и грубо. Как будто голос пропитался скопившейся во мне злостью. Никогда не думал, что ее может быть во мне так много. Да, некоторые считали меня угрюмым и замкнутым, но вообще-то злился я редко. Теперь же по моим венам текла только злость, и ничего больше.

Нет, ярость. Гнев.

Мамины глаза наполнились слезами, но мне было наплевать. Пусть им будет плохо. Пусть им будет так же плохо, как и мне.

– Руне, мы... – вступил отец, но я повернулся к нему спиной и, не дав договорить, рявкнул:

– Во сколько мы уезжаем?

– В семь утра, – негромко ответил он.

Я закрыл глаза – у нас с Поппи оставалось совсем мало времени. Всего восемь часов – а потом мы расстанемся, и я уеду, оставив здесь все, кроме злости. Только она будет моей спутницей в этом путешествии.

– Это не навсегда, Руне. Потом станет легче. В конце концов ты встретишь кого-нибудь еще. Жизнь продолжается...

– *Не смей!* – взревел я и, резко повернувшись, швырнул через комнату стоявшую на тумбочке лампу. Стекланный абажур разбился, и осколки разлетелись по всей комнате. Я задышался, сердце колотилось как бешеное. – Никогда больше не говори мне этого! Я не оставлю Поппи. Я люблю ее! Ты это понимаешь? Она для меня все, а вы отрываете нас друг от друга. – Он побледнел. Я шагнул к нему, дрожа от ярости, сжимая кулаки. – Знаю, сейчас мне ничего не остается, как поехать с вами. Я не могу остаться здесь один. Мне только пятнадцать. Но я ненавижу вас и буду ненавидеть вас обоих до того самого дня, когда мы вернемся. Можете думать, что если мне пятнадцать, то я забуду Поппи, как только какая-нибудь шлюшка в Осло начнет со мной заигрывать. Ошибаетесь. Этому не бывать. Но я буду ненавидеть вас до нашего возвращения.

Я перевел дух, а потом добавил:

– И даже потом я буду ненавидеть вас за то, что вы разлучили нас. Вы отнимаете у меня годы, которые я мог провести с моей девушкой. Не думайте, что если мне пятнадцать, то я не понимаю, что у нас с Поппи. Я люблю ее. Люблю так сильно, как вы и представить себе не можете. И вот вы увозите меня, даже не принимая в расчет мои чувства. – Я повернулся к ним спиной, подошел к шкафу и начал снимать одежду. – А раз так, то отныне и мне наплевать на ваши чувства. Я никогда не прощу вас за это. Вас обоих. Особенно тебя, *papa*.

Я принялся складывать вещи в лежавшие на кровати чемоданы – их, должно быть, приготовила мама. Отец остался на месте, опустив голову и молча глядя в пол. Через какое-то время он все же повернулся и шагнул к двери.

– Поспи, Руне. Нам рано вставать.

Меня аж передернуло от досады – как будто ничего и не слышал! – но тут он негромко добавил:

– Мне очень жаль. Я *знаю*, что значит для тебя Поппи. Мы ничего не говорили, потому что хотели уберечь тебя от ненужных переживаний. Теперь нам понятно, что это не сработало. Но такова настоящая жизнь, и это моя работа. Когда-нибудь ты поймешь.

Дверь за ним закрылась, и я сел на кровать. Провел ладонью по лицу и, понурившись, уставился на пустой шкаф. Но злость еще не ушла, не остыла, и она жгла меня изнутри. Даже еще сильнее, чем раньше.

И я точно знал – она не уйдет и не остынет.

Запихнув в чемодан последние рубашки – кое-как, не потрудившись сложить, – я подошел к окну. Дом Личфилдов виднелся темным пятном, и только тусклый свет ночника говорил, что горизонт чист.

Заперев дверь спальни, я вылез из окна и пробежал по лужайке между домами. Ставни были слегка приоткрыты. Я проскользнул между ними и плотно закрыл за собой.

Поппи сидела на кровати с распущенными волосами и свежим после ванны лицом. В белой ночной рубашке, с голыми руками и ногами и мягкой, нежной кожей, она была так прекрасна, что у меня ком подступил к горлу. Я подошел к кровати и увидел, что Поппи держит в руках рамку с фотографией. Она подняла голову – на ее щеках еще не высохли слезы.

– *Поппимин...* – Голос мой дрогнул. Видеть ее такой несчастной было выше моих сил. Она отложила фотографию, опустила голову на подушку и похлопала ладонью по матрасу. Я тут же лег рядом и подвинулся ближе, так что нас разделяли считанные дюймы.

Стоило мне увидеть покрасневшие глаза Поппи, как злость вспыхнула с новой силой. Я накрыл ее руку своей.

– Не плачь, милая. Пожалуйста. Не могу видеть, как ты плачешь.

Поппи шмыгнула носом:

– Мама сказала, что вы уезжаете рано утром.

Я отвел глаза и медленно кивнул.

Поппи пробежала взглядом по моему лбу.

– Значит, у нас осталась только эта ночь, – сказала она, и как будто кинжал пронзил мое сердце.

– *Ja*. – Я взглянул на нее.

Поппи смотрела на меня как-то странно.

– Что?

Она придвинулась ближе. Теперь мы касались друг друга, и ее губы словно парили над моим ртом. Я даже ощущал мятный запах зубной пасты.

Сердце уже начало набирать ход. Пальцы Поппи спустились с моего лица на шею, с шеи на грудь, с груди скользнули ниже, к краю рубашки. Мне уже не доставало места, но когда я попытался отодвинуться, Поппи прижалась еще теснее, а ее губы нашли мои. Едва ощутив вкус ее губ, я подался к ней, и тогда ее язык проскользнул между моими губами навстречу моему.

Медленный, глубокий, этот поцелуй был не таким, как раньше. Она подняла мою рубашку, и ее ладонь легла на мой голый живот. Я откинул голову назад... выдохнул... Ее дрожащая рука обжигала мою кожу. Я посмотрел ей в глаза, и мое сердце как будто споткнулось.

– *Поппимин...* – прошептал я, глядя ее голую руку. – Что ты делаешь?

Поппи провела ладонь вверх и оставила ее на моей груди. В горле у меня застрял комок.

– Руне? – прошептала она и, опустив голову, осторожно поцеловала меня в ямочку под горлом. Ее губы были такие теплые, такие мягкие и нежные, что мои глаза закрылись сами собой. – Я... я хочу тебя... – прошептала она.

Время остановилось. Я открыл глаза. Поппи отстранилась и слегка склонила голову набок. Ее зеленые глаза смотрели прямо в мои.

– Нет, нет, – возразил я, качая головой, но она приложила пальцы к моим губам.

– Я не могу... – Она запнулась, потом, собравшись с духом, добавила: – Не могу отпустить тебя, не узнав, каково это... быть с тобой. Я люблю тебя, Руне. Я так сильно тебя люблю. Ты ведь знаешь, да?

Мое сердце как будто переключилось на новый ритм, тот, что соединяет любовью две половинки. Теперь оно стучало четче и быстрее. Сильно, как никогда прежде.

– Поппи... – Я знал, что она любит меня, потому что и я любил ее. Но ее слова совершенно ошеломили меня, потому что впервые один из нас произнес их вслух.

Она любит меня...

Поппи ждала. Молча. Не зная, что сказать и что делать, я ткнулся носом в ее щеку... заглянул в ее глаза.

– *Jeg elsker deg.*

Она улыбнулась.

И я тоже улыбнулся.

– Я люблю тебя.

Наверно, она поняла меня и без перевода на английский.

Лицо ее посерьезнело. Она отодвинулась и села посередине кровати. Потом взяла меня за руку, потянула, чтобы я сел рядом, и взялась за низ моей рубашки.

Я закрыл глаза. Она прерывисто вздохнула и потянула ее вверх, через голову. Теплые губы прижались к моей груди. Я снова открыл глаза – Поппи смотрела на меня со смущенной улыбкой. Выглядела она такой робкой, такой застенчивой, что мое сердце растаяло как масло.

Никогда она не была такой красивой.

Я и сам разволновался не меньше и, чтобы хоть немного успокоить нервы, погладил ее по щеке.

– Нам не обязательно это делать. Только из-за того, что я уезжаю... Только ради меня... нет, не надо. Я вернусь. Обязательно вернусь. И я хочу подождать, пока ты будешь готова.

– Я готова, Руне, – ясно и твердо сказала она.

– Ты еще слишком...

– Мне скоро шестнадцать.

Я улыбнулся, услышав в ее голосе знакомое упрямство.

– Считается, что это еще рано.

– Ромео и Джульетта были примерно нашего возраста, – возразила она, и я невольно рассмеялся, но тут же замолчал – она придвинулась ближе и провела ладонью по моей груди.

– Руне, я готова уже давно, но не торопилась, потому что нам некуда было спешить. Впереди у нас была целая жизнь. Теперь все изменилось. У нас совсем мало времени. Всего лишь несколько часов. Я люблю тебя. Люблю так сильно, что никто и представить не может. И мне кажется, что и ты чувствуешь то же самое.

– *Ja*, – не раздумывая отозвался я. – Я люблю тебя.

– На веки вечные, – вздохнула Поппи и отодвинулась. Не сводя с меня глаз, она подняла руку, нащупала бретельку ночной рубашки и потянула вниз. Рубашка бесшумно соскользнула ей на бедра.

Я замер. Не мог шелохнуться – передо мной сидела Поппи... обнаженная.

– *Поптимин*... – выдохнул я. Нет, такая девушка не для меня. Я знал это точно, как и то, что ничем не заслужил этот миг.

Потом все же придвинулся ближе... и еще ближе. Посмотрел вопросительно в ее глаза.

– Ты уверена?

Она взяла мою руку, поднесла к себе, так что наши ладони вместе легли на ее обнаженную кожу.

– Да, Руне. Я хочу этого.

Сдерживаться не было больше сил, и я уступил и поцеловал ее в губы. У нас оставалось несколько часов. И я хотел провести их с моей девушкой. Так, как только можно.

Не отнимая губ, Поппи прошлась пальчиками по моей груди. Медленно, словно исследуя что-то незнакомое. Я погладил ее по спине, осторожно привлекая к себе. Она задрожала от моего прикосновения. Я провел ладонь вниз, до лежавшей на ее бедрах сорочки, потом вверх и остановился – не зашел ли слишком далеко?

Поппи отстранилась и прижалась лбом к моему плечу.

– Не останавливайся, – выдохнула она. Я подчинился и судорожно вздохнул – сердце трепыхалось под самым горлом.

– Руне, – пробормотала она.

И так сладок был ее голос, что я закрыл глаза. Я *так* любил Поппи и меньше всего на свете хотел обидеть ее, сделать ей больно, подтолкнуть слишком далеко. Я хотел, чтобы для нее все было по-особенному, чтобы она поняла, как много для меня значит, что она – весь мой мир.

Мы оставались так минуту или больше, застыв в этом мгновении, в этой паузе, в ожидании того, что последует дальше.

Поппи опустила руки к пуговице моих джинсов, и я открыл глаза. Она пристально смотрела на меня.

– Так, да? Ты не?..

Я молча кивнул. Взяв меня за руку, она помогла мне раздеться, и вскоре вся наша одежда лежала на полу.

Притихшая, Поппи сидела возле меня, держа на коленях дрожащие руки. Длинные каштановые волосы рассыпались по плечу, щеки горели.

Я еще никогда не видел, чтобы она так нервничала.

Да и сам никогда так не робел.

Я протянул руку к ее горячей щеке, провел пальцем вниз, и ее ресницы затрепетали и распахнулись, а губы тронула застенчивая улыбка.

– Я люблю тебя, *Поптимин*.

– Я тоже люблю тебя, Руне, – с легким вздохом прошептала она.

Ее пальцы сомкнулись на моем запястье. Она осторожно откинулась на спину и потянула меня за руку, пока я не вытянулся рядом.

Осыпав ее мягкие щеки и лоб легкими поцелуями, я приник к ее теплomu рту, а Поппи, захватив мои длинные волосы, притянула меня к себе.

Казалось, пролетели считанные секунды, когда она задвигалась подо мной и, оборвав поцелуй, прижала ладонь к моей щеке.

– Я готова.

Уткнувшись лицом в ее руку, я перецеловал все ее пальчики. Поппи повернулась на бок, потянулась и достала что-то из ящика ночного столика. При виде маленького пакетика, который она предложила мне, я неожиданно для себя смешался и занервничал.

Наши взгляды встретились, и ее щеки вспыхнули от смущения.

– Я знала, что этот день когда-нибудь придет, и хотела, чтобы мы были к нему готовы.

Я целовал и целовал мою девушку, пока не почувствовал, что и сам готов. Времени это заняло немного, а унять разбушевавшийся внутри шторм помогла своими легкими прикосновениями сама Поппи.

Поппи раскрыла объятия, и в следующую секунду наши губы слились в самом долгом и глубоком поцелуе. Я пил вишневый бальзам ее губ и наслаждался новыми ощущениями, которые дарили наши обнаженные теплые тела. Потом я отстранился – перевести дух. Мы посмотрели друг на друга, и Поппи кивнула. По ее лицу было видно, что она хочет этого так же сильно, как и я. Наши глаза сомкнулись и уже не размыкались.

Ни на мгновение.

Потом мы лежали, обнявшись, под простынями, глядя друг на друга. Она была теплая и мягкая, и ее дыхание уже замедлилось почти до нормального ритма. Сплетя пальцы, мы держались друг за друга, и наши руки еще слегка дрожали.

Никто ничего не говорил. Поппи следила за каждым моим движением, а я, глядя на нее, молился о том, чтобы она никогда не пожалела о случившемся.

Наконец она сглотнула и глубоко и медленно вздохнула. Взгляд ее задержался на наших руках, лежавших на одной подушке. Она повернулась и покрыла поцелуями переплетенные пальцы.

Я замер.

– *Поппимин...* – Она подняла глаза. Длинная прядь упала ей на щеку, и я осторожно убрал волосы за ухо. Поппи молчала. – Я так тебя люблю. То, что случилось сейчас... быть с тобой... вот так... – Мне хотелось сказать ей, как много это для меня значит, но подходящих слов не находилось.

Она так и не произнесла ни слова, и мне стало не по себе. А вдруг я сделал что-то не так? Не зная, как выразить чувства, я в отчаянии закрыл глаза и ощутил легкое, как крыло бабочки, прикосновение ее губ.

– Эту ночь я буду помнить до конца жизни, – прошептала Поппи, и весь мой страх испарился в одно мгновение.

Я открыл глаза и крепко ее обнял:

– Для меня это было нечто особенное. А для тебя?

Поппи улыбнулась так широко, что у меня захватило дух.

– И для меня тоже. Особеннее не бывает, – повторила она слова, которые произнесла после нашего первого поцелуя, когда нам было по восемь лет. Не придумав ничего лучшего, я поцеловал ее со всей переполнявшей меня любовью и нежностью.

Когда мы отстранились друг от друга, Поппи сжала мою руку, и глаза ее наполнились слезами.

– Поцелуй триста пятьдесят пятый, от моего Руне, в моей спальне... после того, как мы впервые были вместе. – Она взяла мою руку и положила себе на грудь. Ее сердце билось прямо у меня под ладонью, гулко и тяжело. Я улыбнулся, потому что знал, – это слезы не печали, а счастья. – Все было так, что мое сердце едва не разорвалось, – добавила она с улыбкой.

– Поппи... – прошептал я, чувствуя, как сдавливает обручем грудь.

Ее улыбка померкла, и на подушку полились теперь уже горькие слезы.

– Не хочу, чтобы ты уезжал, – сдавленно прошептала она, и меня словно резанула по сердцу ее нестерпимая боль.

– И я тоже.

Мы молчали. А что еще сказать? Мы лежали, прижавшись друг к другу, и я гладил ее по волосам, ее пальчики гуляли вверх и вниз по моей груди. Через какое-то время ее дыхание выровнялось, и рука замерла.

Тихий, размеренный ритм понемногу баюкал и меня. Я старался держаться, не засыпать, чтобы до конца насладиться оставшимся временем, но веки тяжелели и закрывались, и вскоре меня самого затянула в сон растекавшаяся по венам река счастья и печали.

Казалось, прошли секунды, как я сомкнул глаза, когда теплые солнечные лучи тронули мое лицо. Я зажмурился – за окном начинался новый день.

День отъезда.

Я посмотрел на часы, и внутри все сжалось – у меня оставался один час.

Поппи спала, положив голову мне на грудь, и, глядя на нее, я подумал, что никогда еще она не была такой красивой. Кожа ее разрумянилась от жара наших тел, и наши сомкнутые руки все еще покоились на моем животе. Мысль о прошлой ночи пробудила воспоминания, и они вдруг нахлынули, накрывая меня с головой.

Во сне Поппи выглядела такой спокойной и счастливой. Больше всего я боялся, что, проснувшись, она пожалеет о случившемся. А мне хотелось, так отчаянно хотелось, чтобы все случившееся осталось у нее таким же светлым, радостным воспоминанием, как и у меня. Словно почувствовав мой тяжелый взгляд, Поппи медленно открыла глаза. Воспоминания о прошлой ночи тенью пронеслись по ее лицу, зрачки расширились, когда взгляд остановился на наших телах и руках. Тревога сжала мое сердце, но тут ее лицо озарила блаженная улыбка. Я придвинулся ближе, обнял ее, а Поппи уткнулась лицом в мою грудь. Мы лежали так до самого конца, а потом я поднял голову, бросил взгляд на часы, и вчерашняя злость вспыхнула во мне с новой силой.

– *Поппимин*, – прошептал я, и в моем голосе прозвучали раскатистые нотки этой злости. – Мне... Мне нужно идти.

Поппи напряглась на секунду в моих объятиях, а когда отстранилась, ее щеки были мокрыми от слез.

– Знаю.

Слезы обожгли и мои щеки. Поппи нежно вытерла их. Я взял ее руку и прижался губами к ладони. Минуту я всматривался в ее лицо, запоминая каждую черточку. Потом, сделав над собой усилие, поднялся с кровати, оделся, выскользнул через окно наружу и, не оглядываясь, чувствуя, как разрывается от каждого шага сердце, побежал к дому через лужайку.

Я забрался в комнату. Дверь спальни была открыта снаружи. Возле кровати стоял отец. В первую секунду внутри все похолодело от страха – нас раскрыли, – но уже в следующий момент ярость вытеснила страх, и я, вскинув подбородок, посмотрел на него с вызовом – ну же, скажи что-нибудь.

Я хотел схватки.

Я бы не позволил ему стыдить меня за ночь, проведенную с любимой девушкой. Той, от которой он отрывал меня.

Он повернулся и, не сказав ни слова, вышел.

Тридцать минут пронеслись как одно мгновение. Я в последний раз обвел взглядом комнату. Потом закинул на плечо рюкзак, повесил на шею фотоаппарат и вышел из дому.

Мистер и миссис Личфилд уже стояли на нашей подъездной дорожке с Айдой и Саванной и обнимались с моими родителями. Увидев меня, они подошли к крыльцу и тоже обняли на прощание.

Подбежавшие девочки прижались ко мне, и я потрепал каждую по голове. Стукнула дверь. Я повернулся и увидел бегущую по траве Поппи. Волосы у нее были мокрые – наверно, после душа, – но выглядела она еще прекраснее, чем накануне, и смотрела только на меня.

Добежав до дорожки, она коротко обняла моих родителей и поцеловала Элтона, а потом повернулась ко мне. Мои папа и мама сели в машину, а родители и сестренки Поппи вернулись

в дом, дав нам возможность попрощаться наедине. Я распахнул руки, и она влетела в мои объятия. Я сжал ее крепко-крепко и глубоко вдохнул сладкий запах ее волос.

Потом взял ее за подбородок и поцеловал – в последний раз. Поцеловал со всей любовью, что переполняла мое сердце.

– Поцелуй триста пятьдесят шестой. От Руне, на дорожке... когда он оставил меня, – прошептала она сквозь слезы.

Я закрыл глаза, не в силах вынести ее и мою боль.

– Руне? – окликнул меня отец и извиняющимся тоном добавил: – Нам пора.

Поппи вцепилась в рукав моей рубашки. Зеленые глаза блестели от слез, и она как будто пыталась запомнить каждую черточку моего лица. Высвободившись наконец, я поднял камеру и нажал кнопку.

Мне выпала редкая удача – запечатлеть миг, когда разбивается сердце.

Едва волоча ноги – к ним будто подвесили по тонне кирпичей, – я побрел к машине, забрался на заднее сиденье и даже не стал удерживать слезы. Поппи стояла у дорожки, и ветер трепал ее мокрые волосы. Она помахала на прощание.

Отец завел мотор. Я опустил стекло и высунул руку, а Поппи схватилась за нее. Мы посмотрели друг на друга, и она сказала:

– Я буду видеть тебя во снах.

– Я буду видеть тебя во снах, – прошептал я и выпустил ее руку. Машина тронулась. Я повернулся и посмотрел в заднее окно – Поппи стояла на дорожке и махала вслед, пока не скрылась из виду.

Этот прощальный жест остался в моей памяти.

Я поклялся хранить его до тех пор, пока она не встретит меня снова – таким же взмахом руки.

До тех пор, пока он не превратится в «привет».

4

Молчание

*Руне
Осло
Норвегия*

Днем позже я уже был в Осло, и с Поппи нас разделял океан.

Два месяца мы разговаривали с ней каждый день. Я старался утешать себя тем, что у нас есть хотя бы это. Но с каждым днем, заканчивавшимся без нее, во мне копилась и крепла злость. Ненависть к отцу нарастала, и в конце концов она сломала что-то внутри, оставив только пустоту. Я упорно не заводил друзей в школе и противился всему, что помогло бы снова принять это место как мой дом.

Мой дом был там, в Джорджии.

С Поппи.

О переменах в моем настроении Поппи не говорила ничего, как будто и не замечала их. Я надеялся, что хорошо все скрываю. Не хотел, чтобы она волновалась из-за меня.

А потом однажды Поппи не ответила на звонок. Не ответила на и-мейл. Не ответила на эсэмэску.

То же повторилось и на следующий день. И на следующий.

Она выпала из моей жизни.

Просто-напросто исчезла. Не оставив ни слова, ни следа.

Она ушла из школы. Ее не было в городе.

Ее семья, в полном составе, снялась с места и уехала, никого не уведомив куда.

Два года я оставался совершенно один по другую сторону Атлантики, ломая голову и не находя ответа на вопросы: где же Поппи? Что случилось? Не я ли тому виной? Не я ли в ночь перед отъездом подтолкнул ее за черту?

То был второй момент, определивший мою жизнь.

Жизнь без Поппи.

Без вместе навсегда.

Без на веки вечные.

Просто... пустота.

5

Было – любили, а теперь чужие

Поппи

Блоссом-Гроув, Джорджия

Наши дни

Возраст – семнадцать лет

– Он возвращается.

Два слова. Два слова, опрокинувших мою жизнь в хаос. Два слова, повергших меня в ужас.

Он возвращается.

Прижимая к груди учебники, я уставилась на Джори, мою самую близкую подругу. Сердце ухнуло, как пушка, и меня чуть ли не заколотило.

– Что ты сказала? – шепотом спросила я, застыв как вкопанная посередине коридора и не замечая спешащих на урок учеников.

Джори положила руку мне на плечо.

– С тобой все в порядке?

– Да, – едва слышно ответила я.

– Точно? Ты побледнела. И вид нездоровый.

Я кивнула, постаравшись как можно убедительнее показать, что у меня все хорошо.

– Кто... кто тебе сказал, что он возвращается?

– Джайсон и Дикон. Я была с ними в классе и слышала, как они говорили, что компания снова присылает сюда его отца. – Джори пожала плечами. – Теперь уже навсегда.

Я сглотнула застрявший в горле комок.

– И в тот же дом?

Джори поморщилась, но кивнула.

– Извини, Попс.

Я закрыла глаза и постаралась успокоиться. Значит, он снова будет жить по соседству, и его комната будет напротив моей.

– Поппи? – Я открыла глаза. Подруга смотрела на меня полными сочувствия глазами. – Ты точно в порядке? Уверена? Ты ведь всего две недели как вернулась. И я знаю, каково оно, снова увидеть Руне...

Я выдавила из себя улыбку:

– Не волнуйся, Джо. Я больше его не знаю. Два года – срок немалый, и мы почти не разговаривали все это время.

Джори нахмурилась:

– Попс...

– Не волнуйся, – повторила я, не дав ей договорить. – Мне пора на урок.

Но едва сделав пару шагов по коридору, я остановилась и посмотрела на подругу. Единственную подругу, с которой поддерживала связь два последних года. Все остальные думали, что наша семья уехала из города, чтобы позаботиться о маминной больной тете, и только Джори знала правду.

– Когда? – набравшись смелости, спросила я.

Выражение на лице Джори смягчилось, как только она поняла, о чем речь.

– Сегодня, Попс. Он приезжает сегодня. Джайсон и Дикон предлагают ребятам собраться вечером на поляне – поздравить его с возвращением. Все пойдут.

Вот так новость. Как ножом в сердце. А меня и не пригласили. С другой стороны, а с какой стати? Мы уехали из Блоссом-Гроув, не сказав никому ни слова, ни с кем не попрощавшись. Вернувшись в школу, я снова стала тем, кем и была всегда – без Руне рядом, – тихой скромницей, невидимкой для шумных компаний. Чудачкой, которая носит банты и играет на виолончели.

Никому, кроме Джори и Руби, не было до меня никакого дела. Никто и не заметил моего отсутствия.

– Поппи? – окликнула Джори.

Я тряхнула головой и, вернувшись в обычный мир, увидела, что коридоры уже почти пусты.

– Иди на урок, Джо.

Она шагнула ко мне:

– Ты же будешь в порядке, Попс? Мне ведь не надо за тебя волноваться?

Я невесело рассмеялась:

– Ничего. Бывало и хуже.

Чтобы не видеть в глазах подруги сочувствие и жалость, я отвернулась и побежала в класс. Урок математики только-только начинался, и мне еще удалось незамеченной проскользнуть на свое место.

Если бы кто-то спросил потом, о чем говорил учитель, я бы, наверно, не ответила. Все пятьдесят минут я думала только о нашей с Руне последней встрече. О нашем последнем объятии. О нашем последнем поцелуе. Как мы любили друг друга в ту последнюю ночь. Перед глазами снова и снова вставало его прекрасное лицо в окне автомобиля, когда его увозили из моей жизни.

Интересно, какой он сейчас? Как выглядит? Руне всегда был высоким, широкоплечим, хорошо сложенным. Но в наше время за два года любой может сильно измениться. Уж я-то знала это лучше многих.

Мысли снова уносились к нему. Раньше его глаза на ярком солнце казались кристально-голубыми, а теперь? Носит ли он все еще длинные волосы? И осталась ли у него привычка через каждые несколько минут отбрасывать их назад? Этот жест сводил с ума всех девчонок в нашей школе.

Вспоминает ли он еще обо мне, соседской девчонке? Думает ли о том, где я и что делаю? Помнит ли ту ночь? Нашу ночь. Самую восхитительную ночь в моей жизни.

А потом, словно темная туча, самый страшный вопрос. Вопрос, отзывавшийся настоящей, физической болью: целовал ли он кого-то за эти два прошедших года? Отдавал ли кому-то свои губы, навечно обещанные мне?

Или еще хуже: любил ли другую?

Пронзительный школьный звонок ворвался в мои мысли. Я поднялась из-за стола и вышла в коридор. Как хорошо, что сегодня занятий больше не будет.

Я устала и чувствовала себя не слишком хорошо. Но самое главное, болело сердце. Потому что я знала: с сегодняшнего вечера в соседнем доме будет жить Руне, с завтрашнего дня он будет в школе... а я не смогу поговорить с ним. Не смогу ни улыбнуться ему, ни дотронуться до него, как мечтала с того дня, когда перестала отвечать на его звонки.

Не смогу поцеловать его.

Я должна буду держаться в стороне.

Меня чуть не стошнило от одной только мысли, что он, может быть, и не посмотрит на меня больше. После того как я взяла и отрезала его от себя. Без всяких объяснений.

Я толкнула тяжелую дверь, вышла на улицу и вдохнула прохладный, свежий воздух. Глубоко-глубоко. И тут же почувствовала себя легче. Убрала за уши волосы. Теперь у меня была

другая стрижка – короткий боб, – к которой я еще не привыкла. Мне было так жаль расставаться с длинными волосами.

Я шла домой и улыбалась – голубому небу и птичкам, порхающим над макушками деревьев. Природа всегда действовала на меня успокаивающе.

В паре сотен ярдов от школы я увидела машину Джадсона, у которой толпились старые друзья Руны. Единственной девчонкой в толпе мальчишек была Эвери. Я опустила голову и попыталась пройти мимо незамеченной, но она окликнула меня. Пришлось остановиться и повернуться. Эвери оттолкнулась от машины и шагнула ко мне. Дикон попытался удержать ее, но она отбросила его руку. Самодовольное выражение на ее лице не обещало ничего хорошего.

– Ты уже слышала? – спросила она с улыбкой на розовых губах. Красивая, ничего не скажешь. Вернувшись в город, я глазам не поверила, когда увидела ее, – надо же так похорошеть! Всегда идеальный макияж, длинные светлые волосы всегда аккуратно и стильно уложены. Любой парень хотел бы видеть такую своей девушкой, и каждая девчонка мечтала быть такой.

Я снова убрала за уши волосы – привычка, выдававшая нервозность, – и притворилась, что не понимаю, о чем речь.

– Слышала что?

– Насчет Руны. Он возвращается в Блоссом-Гроув.

Ее голубые глаза светились радостью. Я отвела взгляд и, приказав себе сохранять спокойствие, покачала головой.

– Нет, не слышала. Сама лишь недавно вернулась.

Краем глаза я заметила идущую к машине Руби, подружку Дикона, и Джори. Увидев нас с Эвери, они прибавили шаг. За это я и любила обеих. О том, где я была последние два года и почему уехала, знала только Джори. Но когда я вернулась, Руби встретила меня так, словно мы и не расставались. Вот что значит настоящие друзья.

– Ну, что у нас тут? – как бы невзначай, но достаточно резко, чтобы дать понять, что в обиду меня не даст, спросила Джори.

– Да вот, интересуюсь у Поппи, знает ли она, что Руна возвращается в Блоссом-Гроув, – с издевкой сказала Эвери.

Руби с любопытством посмотрела на меня.

– В первый раз слышу, – объяснила я. Руби грустно улыбнулась.

Подошедший Дикон обнял свою подружку за плечи и кивнул мне.

– Привет, Попс.

– Привет.

Он повернулся к Эвери:

– Эв, Руна не разговаривал с Поппи два года. Я же тебе говорил. Она ничего о нем не знает. Откуда ей знать, что он приезжает. И с какой стати ему об этом ей сообщать?

Слушая Дикона, я понимала, что у него и мысли нет как-то меня обидеть. Но все равно его слова били в самое сердце. И теперь я знала, что Руна не спрашивал его обо мне. Конечно, все это время они общались. И, конечно, если он ни разу обо мне не упомянул, я не значила для него ничего.

Эвери пожала плечами:

– Просто спросила, вот и все. Они же были неразлучны, пока он не уехал.

Воспользовавшись моментом, я помахала рукой.

– Мне пора. – Я быстро повернулась и направилась домой, решив пройти через парк, который вел к вишневой роще.

Безлюдная и притихшая, с голыми деревьями, которым так не хватало зеленых листочков, роща навевала грусть. Серые ветви выглядели безжизненными, но никакая тоска по тому, что составляло их красу, не могла принести желаемое. Приблизить весну.

Так уж устроен мир.

Мама была в кухне. Айда и Саванна выполняли домашнее задание за столом.

– Привет, малыш, – сказала мама.

Я подошла к ней и обняла, чуть крепче, чем обычно.

Она посмотрела на меня, и в усталых глазах мелькнуло беспокойство.

– Что-то случилось?

– Так, небольшая слабость. Пойду прилягу.

Но мама не отпускала.

– Просто слабость? Ты уверена? – Она потрогала мой лоб, проверила температуру.

– Уверена. – Я отвела ее руку и поцеловала в щеку.

Пройдя в спальню, я посмотрела в окно на дом Кристиансенов. Там ничего не изменилось. Все так же, как и в тот день, когда они уехали. Дом не продали. Миссис Кристиансен сказала маме, что они рассчитывают рано или поздно вернуться, а потому решили оставить его за собой. Им нравился и дом, и район. Каждые несколько недель туда приходила уборщица, так что к их возвращению все было готово.

Сегодня шторы были разведены, а окна открыты – уборщица проветривала комнаты в ожидании жильцов. Они возвращались. И я боялась этого возвращения.

Задернув шторы – папа повесил их, когда мы приехали несколько недель назад, – я легла на кровать и закрыла глаза. Постоянная усталость, слабость – как же мне все это надоело. По натуре я – человек активный, и сон для меня всегда был пустой тратой времени, которое можно было бы использовать с большей пользой – исследуя мир и сохраняя воспоминания.

Но теперь выбирать не приходилось.

Я вызвала из памяти Руне и, держа его лицо перед глазами, погрузилась в сон. Сон, приходивший ко мне едва ли не каждую ночь, – объятия Руне, его поцелуи, его слова о любви.

Не знаю, долго ли я спала, но проснулась от шума подъезжающих грузовиков. Через лужайку доносились громкий стук и знакомые голоса.

Я села, протерла заспанные глаза, и только тогда до меня дошло.

Он здесь.

Сердце подскочило и заколотилось. Билось оно так быстро, что я испугалась – как бы не выскочило из груди.

Он здесь.

Он здесь.

Я поднялась с кровати, подошла к окну и, не раздвигая штор, прислушалась. На фоне шума звучали голоса папы и мамы. Другие голоса тоже были знакомы, и принадлежали они мистеру и миссис Кристиансен.

Улыбнувшись, я протянула руку к шторе и... остановилась. Не хотела, чтобы они меня увидели. Отступив от окна, я выбежала из спальни и торопливо поднялась в папин кабинет. Не считая моей комнаты, эта была единственной, окно которой выходило на соседний дом. И прятаться у этого окна не приходилось благодаря легкой тонировке, защищавшей от яркого солнца.

На всякий случай я подошла к окну с левой стороны и сразу увидела родителей Руне. Они практически не изменились. Миссис Кристиансен – красивая, как всегда. Волосы немного короче, но если не обращать внимания на это, она осталась прежней. У мистера Кристиансена добавилось немного седины и, наверно, несколько фунтов, но разница была почти незаметной.

Светловолосый мальчишка выбежал из передней двери, и моя рука вскинулась к губам, но им оказался малыш Элтон. По моим расчетам, ему уже исполнилось четыре. Как же он вырос! И волосы такие же, как у брата, длинные, прямые. Сердце сжалось – Элтон был копией Руне.

Рабочие расставляли мебель, и дело шло на удивление быстро. Но вот Руне видно не было.

Мои родители наконец вернулись, но я осталась у окна, терпеливо ожидая того, кто так долго был моим миром, что я порой не знала, где начинается один из нас и заканчивается другой.

Прошел час, потянулся другой. Близился вечер. Я уже потеряла надежду увидеть его и собиралась закончить бдение, когда уловила какое-то движение за домом Кристиансенсов.

Все мое тело вдруг напряглось. В темноте вспыхнул крохотный огонек. Над разделявшей наши дома полоской травы в воздухе проплыло облачко белого дыма. Я не сразу поняла, что вижу, но потом из тени выступила высокая, вся в черном, фигура.

Дыхание перехватило. Человек в черном вышел под свет уличного фонаря и остановился. Кожаная байкерская куртка, черная рубашка, черные прямые джинсы, черные замшевые сапоги и... длинные светлые волосы.

Сердце замерло на мгновение. Я знала эту походку. Знала этот волевой подбородок. Знала его самого. Знала так же хорошо, как саму себя.

Руне.

Мой Руне.

Над его ртом снова поднялось белое облачко дыма, но мне понадобилось еще несколько секунд, чтобы понять, что он курит.

Курит!

Но Руне не курил. И никогда бы не взял в руки сигарету. Моя бабуля курила всю жизнь и умерла – как говорили, преждевременно – от рака легких. Мы с Руне даже пообещали друг другу, что и пробовать не станем.

И вот, как оказалось, он свое обещание нарушил.

Руне снова затянулся и в третий раз за несколько минут отбросил волосы. Внутри у меня все провалилось. Он поднял голову, так что свет упал на лицо, и выдохнул струйку дыма в холодный вечерний воздух.

Значит, вернулся. Семнадцатилетний Руне Кристиансен. Высокий, сильный и до невозможности красивый. Кристально-голубые глаза остались такими же ясными, какими и были. Мальчишеское лицо оформилось, черты стали тверже, и от одного взгляда на него захватывало дух. Когда-то я в шутку говорила, что он похож на скандинавского бога. Теперь я бы поставила его выше любого из них.

Докурив сигарету, Руне бросил окурочек на землю – крохотный огонек постепенно растаял в черной короткой траве. Затаив дыхание, я ждала. Что он будет делать дальше? Мистер Кристиансен вышел на крыльцо и что-то сказал сыну.

Я видела, как напряглись его плечи, как он резко повернул голову в сторону отца. Слов было не разобрать, но разговор определено проходил на повышенных тонах, и в голосе Руне явственно звучали агрессивные нотки. Нарвавшись на грубость, мистер Кристиансен покорно опустил голову и вернулся в дом. Руне же выставил в спину отцу средний палец и держал его, пока не хлопнула дверь.

Я смотрела, застыв от изумления, и не верила своим глазам. Мальчишка, которого я знала так же хорошо, как себя, превратился в незнакомца у меня на глазах. И когда он направился к дому через дворик между нашими домами, на душе у меня остались разочарование и печаль. Глядя на напряженно застывшие плечи, я почти ощущала идущую от него волну злобы. Мои худшие страхи стали явью: тот мальчик исчез.

В следующую секунду меня словно парализовало – Руне остановился на лужайке и посмотрел на окно моей спальни, находившейся прямо подо мной. Пронесшийся между домами порыв ветра швырнул ему в глаза прядь волос, и в этот миг я увидела в них неверо-

ятную боль. Этот образ – напрягшееся лицо, устремленный на мое окно отчаянный взгляд – поразил меня и едва не сбил с ног. В этом потерянном выражении был *мой* Руне.

Этого парня я узнала.

Руне шагнул к окну, и мне почему-то показалось, что вот сейчас он попытается забраться через него в спальню, как делал на протяжении многих лет. Но нет, он вдруг остановился – сжав кулаки, закрыв глаза и стиснув зубы так сильно, что на скулах проступили желваки.

Потом, по-видимому, передумав, Руне резко повернулся и зашагал к своему дому. Я осталась у окна кабинета, укрывшись в тени, до глубины души потрясенная увиденным.

Через некоторое время в комнате Руне загорелся свет. Я видела, как он прошелся по спальне, остановился у окна и сел на широкий подоконник. Потом достал еще одну сигарету, закурил, выдохнул дым на улицу.

Я покачала головой – нет, такого не может быть.

Скрипнула дверь. Мама вошла в кабинет, встала рядом со мной и посмотрела в окно. Об остальном догадаться было нетрудно.

Щеки вспыхнули, как будто меня поймали за чем-то неприличным.

– Аделис сказала, он уже не тот мальчик, которого мы знали, – заговорила, помолчав, мама. – После возвращения в Осло у них с ним были одни проблемы. Эрик в растерянности и не представляет, что делать. Они очень рады, что вернулись сюда. Дело в том, что в Норвегии Руне связался с дурной компанией.

Между тем Руне выбросил в окно окурок и прислонился головой к стеклу. Взгляд его не отрывался от одной точки, и этой точкой было окно моей спальни.

Перед тем как выйти из кабинета, мама положила руку мне на плечо.

– Может быть, милая, оно и к лучшему, что ты оборвала все контакты. Судя по тому, что сказала его мать, он вряд ли смог бы выдержать все, через что тебе пришлось пройти.

Слезы подступили к глазам. Что могло сделать его таким? Что превратило его в этого незнакомца? В последние два года я нарочно отгородилась от мира, чтобы уберечь его от боли. Чтобы он смог прожить спокойную жизнь. Зная, что в Норвегии есть парень, чье сердце полно света, я легче переносила то испытание, что выпало на мою долю.

И вот теперь, после встречи с двойником Руне, эта моя фантазия оказалась растоптанной.

Свет того Руне изрядно потускнел. Его накрыла тень и поглотила тьма. Как будто тот, кого я любила, сгинул в Норвегии.

На подъездной дорожке к дому Руне появилась машина Дикона. В руке Руне загорелся сотовый. Выйдя из комнаты, он спустился с крыльца и вразвалку направился к выскочившим из машины Дикону и Джадсону. Друзья обнялись и похлопали друг друга по спине.

А потом мое сердце с хрустом разломилось пополам. Соскользнувшая с заднего сиденья Эвери только что не бросилась ему на шею. Короткая юбка и укороченный топ подчеркивали достоинства идеальной фигуры. Правда, Руне не ответил на ее объятия, но легче от этого не стало. Со стороны они выглядели превосходной парой. Оба высокие и светловолосые. Оба красивые.

Потом все забрались в машину. Руне сел последним, и вся компания промчалась по улице и скрылась из виду.

Проводив взглядом исчезающие в ночи огоньки, я вздохнула и еще раз посмотрела на дом Кристиансенов. Отец Руне стоял на краю веранды, держась за перила и глядя туда, куда только что уехал его сын. Потом он повернулся, посмотрел на окно кабинета и грустно улыбнулся.

Он увидел меня.

Мистер Кристиансен поднял руку и помахал мне. Я помахала в ответ, заметив на его лице глубокий оттиск печали.

Он выглядел усталым.

Как человек, потерявший сына.

Я возвратилась в спальню, легла на кровать и достала любимую фотографию в незатейливой рамке. С фотографии на меня смотрели красивый мальчик и счастливая девушка, чья любовь не требовала подтверждений. Что же случилось за эти два года с Руне? Что превратило его в непокорного бунтаря, каким он показался мне теперь.

Я расплакалась.

Я плакала по мальчику, который был моим солнцем.

Я оплакивала мальчика, которого любила всем сердцем.

Я прощалась с Поппи и Руне – образцом идеально красивой и так недолго жившей пары.

6

Тесные коридоры и пронзенные сердца

Поппи

– Ты точно в порядке? – спросила мама, глядя меня по руке. Машина остановилась.

Я улыбнулась и кивнула:

– Да, мам, все хорошо.

В ее покрасневших глазах набухали слезы.

– Поппи. Детка. Тебе необязательно идти сегодня в школу, если ты не хочешь.

– Мам, мне нравится в школе. Мне нравится учиться. – Я пожала плечами. – К тому же у нас сегодня история, а ты знаешь, как я люблю историю. Это мой любимый предмет.

Она улыбнулась сквозь слезы и вытерла глаза.

– Вся в бабулю. Упрямая как осел и во всем умеешь находить хорошее. Иногда мне кажется, что это она смотрит на мир твоими глазами.

От этих ее слов у меня потеплело в груди.

– Спасибо, мам, порадовала. Но ты не беспокойся, со мной все в порядке.

Глаза у нее снова заблестели, и она поспешила выпроводить меня из машины, но прежде сунула в руку записку от врача.

– Вот, держи, не забудь отдать.

Я взяла записку, но прежде чем захлопнуть дверцу, сунула голову в салон.

– Люблю тебя, мам. Очень-очень.

Мама вздохнула и улыбнулась, грустно, но счастливо.

– Я тоже тебя люблю, Попс. Очень-очень.

Я захлопнула дверцу и зашагала к школе. Мне всегда казалось странным приходить, когда занятия уже начались. Все притихло и замерло, и в этой тишине, в этом спокойствии было что-то апокалиптическое, некая сущностная противоположность буйству большой перемены или сумасшедшей спешке между уроками.

Первым делом я направилась в школьную канцелярию, где передала записку секретарю, миссис Гринуэй.

– Как дела, дорогая? – участливо спросила она, протягивая мне пропуск. – Ты ведь не вешаешь этот твой симпатичный носик?

Я улыбнулась:

– Нет, мэм.

Если верить часам, урок начался всего лишь пятнадцать минут назад. Я не хотела ничего упускать и, прорвавшись через две пары дверей, поспешила к своему шкафчику, из которого достала целую стопку книг для урока по английской литературе. После чего, толкнув дверцу шкафчика локтем и с трудом справляясь с ношей, направилась в класс. Но не успела сделать и двух шагов...

Ноги приросли к полу. Сердце и легкие остановились. Передо мной, футах в восьми, стоял, словно громом пораженный, Руне. Высокий, вполне уже взрослый Руне. Он стоял и смотрел на меня в упор своими кристально-голубыми глазами, и я, попав в ловушку их чар, не могла бы отвернуться, даже если бы хотела.

Наконец мне удалось сделать вдох и наполнить легкие воздухом, а следом включилось и сердце – заколотилось под взглядом того, кого я, сказать по правде, по-прежнему любила больше всего на свете.

Как всегда, он был весь в черном – черная, в обтяжку, футболка, черные прямые джинсы и черные замшевые сапоги. Только руки стали крепче, а фигура – подтянутой и мускулистой. Мой взгляд добрался до его лица – и внутри похолодело. Я думала, что уже видела его во всей красе, когда он стоял под уличным фонарем, но оказалось, что нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.